

ДОНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ТОМ 4 № 6

2021

ИННОВАЦИОННАЯ НАУКА

Психология

Педагогика

Дефектология

12+

[INOV-PPD.RU](http://inov-ppd.ru)

Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология

Учредитель – ФГБОУ ВО "Донской государственный технический университет"

Главный редактор – д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Россия)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Россия)

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор (Канада)

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор (Армения)

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор (США)

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент (Канада)

Лазарь Стошич, доктор наук, профессор (Сербия)

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, доцент (Россия)

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент (Россия)

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент (Россия)

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Редакционная коллегия

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент (Россия)

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор (Россия)

Выпускающий и технический редактор – Евгений Александрович Проненко

Ответственные секретари –

Дарья Игоревна Попова, Маргарита Евгеньевна Беликова

Адрес редакции:

344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, корпус 8, ауд. 8-307, editor@inov-ppd.ru

Адрес учредителя и издателя:

Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Цена распространения: бесплатно.
12+

© Донской государственный технический университет, 2021

Сайт журнала: inov-ppd.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), номер свидетельства
ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13.11.2017 г.

Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology

Founder – Don State Technical University

Editor-in-Chief – Irina V. Abakumova (DSTU, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief – Pavel N. Ermakov (SFU, Russian Federation)

Editorial Council

Alla K. Belousova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Valery P. Belyanin (Canada)

Professor, Doctor of Philology

Asya S. Berberyan (Armenia)

Professor, Doctor of Philology

Marina Bluvshstein (USA)

Professor, Doctor of Philosophy

Eugene F. Borokhovski (Canada)

Research Assistant Professor, Doctor of Psychology

Lazar Stojić (Serbia)

Professor, PhD

Nadezhda F. Efremova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Laura Ts. Kagermazova (Russian Federation)

Associate professor, Doctor of Psychology

Anatolii V. Karpov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Evgenii E. Nesmeyanov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Philosophy

Elena A. Makarova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Olga S. Mavropulo (Russian Federation)

Associate professor, Candidate of Pedagogy

Vlada I. Pishik (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Marina L. Skuratovskaya (Russian Federation)

Associate professor, Doctor of Pedagogy

Tatiana N. Shcherbakova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Ol'ga D. Fedotova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Larisa A. Tsvetkova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Editorial Board

Elena V. Vorobyeva (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Tatyana I. Vlasova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Maksim N. Dmitriev, Associate professor, Can-

didate of Medicine (Russian Federation)

Alexander V. Dyatlov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Sociology

Managing and Technical Editor – Evgeny A. Pronenko

Executive Editor – Daria I. Popova, Margarita E. Belikova

Editorial office:

344000, Rostov-on-Don, Gagarin Square,

1, building 8, aud. 8-307,

editor@inov-ppd.ru

Founder and publisher address:

Don State Technical University, 344000,

Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мария А. Афонина

Психология женского лидерства: предпосылки и мотивы
социально-управленческого развития современных женщин 6

Валерия В. Ребенок

Роль и влияние типажа при выборе романтического партнёра
у молодых людей 19

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Ангела А. Бовенко

Теоретические основы соревновательной мотивации 37

Юлия В. Селезнева, Виктория Г. Пахомова

Психологические особенности коммуникативного
взаимодействия активных пользователей компьютерных игр 47

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Александр В. Цапенко

Скрытые влечения женщин с алкогольной зависимостью 64

CONTENTS

SOCIAL PSYCHOLOGY

Maria A. Afonina

Psychology of Women's Leadership: Prerequisites and Motives for the
Social and Managerial Development of Modern Women 6

Valeria V. Rebenok

The role and influence of a person's type when choosing a romantic
partner for young people 19

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

Angela A. Bovenko

Theoretical foundations of competitive motivation 37

Yulya V. Selezneva, Victoria G. Pakhomova

Psychological features of communicative interaction of active users of
computer games 47

CLINICAL PSYCHOLOGY

Alexander V. Tsapenko

Unconscious behaviors of women with alcohol dependence 64

УДК 159.99

Психология женского лидерства: предпосылки и мотивы социально-управленческого развития современных женщин

Мария А. Афонина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: maria.a.afonina@gmail.com

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1819-1223>

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются предпосылки возникновения феномена женского лидерства через призму многовековой истории «патриархальных» гендерных исследований и мотивы саморазвития современных женщин. Во **«Введении»** описывается контекст, в котором проведено исследование. В разделе **«Теоретическое обоснование»** определяется актуальность и новизна темы настоящего исследования, которые заключаются в формировании горизонта современного понимания гендерного равенства и женского лидерства в фокусе глобальных целей устойчивого развития. Анализируется современное состояние проблемы гендерного равенства и женского лидерства, работа с этой повесткой международными организациями: ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ. Приводятся и анализируются статистические данные о состоянии и динамике развития женского предпринимательства и женского руководства в России и в мире. В разделе **«Исследования гендерного равенства и женского лидерства в гуманитарной науке»** подробно рассматривается история гендерных исследований, в том числе, современные научные исследования, обосновывающие влияние особенностей эндокринной системы женщин на формирование, так называемого, женского стиля руководства и лидерства. В статье дается авторская позиция системы психологических предпосылок, которые являются факторами успешного и гармоничного саморазвития. Определяются горизонты смысловой самореализации женщин «я – команда – сообщество» как смысловосферы, и горизонты развития личности в социальной сфере. В научном исследовании впервые приводятся и анализируются результаты изучения мотивов саморазвития успешных женщин, проведенного с участницами образовательной программы «Женщина-лидер» Мастерской управления «Сенеж» президентской платформы «Россия – страна возможностей». В анализ и ранжирование по количеству ответивших респондентов включено более 10 основных мотивов, дающих импульс к личностному и профессиональному росту и саморазвитию женщин. В **«Обсуждении результатов»**

автор рассматривает проблему женского лидерства в контексте современных научных исследований. В «**Заключении**» делается вывод о необходимости изучения и развития женского лидерства для обеспечения целей устойчивого развития и гендерного равенства.

Ключевые слова

гендерные исследования, гендерное равенство, женское лидерство, психология женского лидерства, мотивы развития современных женщин

Для цитирования

Афонина М.А. Психология женского лидерства: предпосылки и мотивы социально-управленческого развития современных женщин // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 6. С. 6–18. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-6-18>

Psychology of Women's Leadership: Prerequisites and Motives for the Social and Managerial Development of Modern Women

Maria A. Afonina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: maria.a.afonina@gmail.com

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1819-1223>

Abstract

The article examines the prerequisites for the emergence of the phenomenon of women's leadership through the prism of the "patriarchal" gender researches and the motivation for development of modern women. The **Introduction** describes the context in which the study was conducted. The **"Theoretical justification"** section determines the relevance and importance of the topic of this study, the horizon of modern understanding of gender equality and women's leadership is being formed in the focus of global sustainable development goals. The current state of the gender equality and female leadership issue; the UN, UNESCO, UNICEF agenda devoted to this issue are analyzed. The author analyzes statistical data on the state and dynamics of the development of women's entrepreneurship and women's leadership in Russia and in the world. The "Studies in Gender Equality and Women's Leadership in the Humanities" section takes a detailed look at the history of gender studies, including modern scientific research that substantiates the features of the endocrine system of women, and the so-called female style of leadership. In the article the author's position of the system of psychological prerequisites, which are the factors of successful and harmonious self-development, is presented. The horizons of

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

semantic self-realization of women "The self – team – community" as a sense sphere and horizons of personality development in the social sphere are determined. The results of the motivation factors of successful women study, conducted with students of the program "Woman-Leader" of the educational center SENEZH ("Russia – the country of opportunities" project), are presented for the first time. The analysis and ranking by the number of respondents includes more than 10 main motives that give impetus to the personal and professional growth and self-development of women. In the **Discussion of the results** the author considers the problem of women's leadership in the context of modern scientific research. The **Conclusion** concludes that it is necessary to study and develop women's leadership in order to achieve the goals of sustainable development and gender equality.

Keywords

gender studies, gender equality, female leadership, psychology of female leadership, motivation factors of modern women

For citation

Afonina, M. A. (2021). Psychology of Women's Leadership: Prerequisites and Motives for the Social and Managerial Development of Modern Women. Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology, 4(6), 6–18. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-6-18>

Введение

В сентябре 2020 года в Мастерской управления «Сенеж» президентской платформы «Россия – страна возможностей» началась реализации первой в отечественной истории образовательной программы по развитию женского лидерства. О старте программе на суперфинале конкурса «Лидеры России» заявила Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко. Она подчеркнула, что «наступает эра мягкой женской силы, где особая роль будет у женщин, которые более склонны к компромиссам и дипломатии».

В первый набор программы вошло 137 участниц. 17 человек были представительницами лидерских конкурсов платформы «Россия – страна возможностей», 120 человек представляли проекты Евразийского женского форума, партнера образовательного проекта Мастерской управления «Сенеж». То есть, так или иначе, практически все имели «лидерский базис», который во многом позволил раскрыть и реализовать образовательная программа «Женщина-лидер».

У старта этой образовательной программы было несколько предпосылок, часть из них лежит в области психологии и продолжает быть актуальным предметом анализа и исследований. В частности, возникает вопрос о природе личностного и профессионального развития женщин, женского лидерства,

психологических предпосылках его формирования и механизмах его развития. Действительно, есть ли отличия «мужского» и «женского» лидерства, и, если есть, каковы особенности становления женщин-лидеров, мотивы их развития?

Теоретическое обоснование

Феномен женского лидерства изучается в современной отечественной гуманитарной науке уже много лет. Женское лидерство становится междисциплинарным явлением на стыке психологии, педагогики, экономики и менеджмента, социологии, политологии, демографии. В российской науке известны исследования женского лидерства как тренда глобальной экономики (Л. Н. Панкова), женского предпринимательства в России (Л. В. Бабаева, А. Е. Чирикова, Г. М. Шамарова), женского политического лидерства (Н. В. Бушуева, В. В. Мошненко, Н. С. Фомичева, Ю. Л. Шепелева), истории развития женского лидерства в России (О. С. Коваленко, В. П. Светлакова, Н. В. Тедеева, Н. Х. Дзагурова), отраслевых аспектов развития женского лидерства (О. В. Кузнецова, М. И. Марьин) и др.

У гендерной темы и предпосылок развития женского лидерства есть как психологические, психофизиологические, так и социальные, социально-психологические детерминанты.

В основе современного витка актуальности мировой повестки развития женского лидерства лежит, как известно, в частности, одна из целей устойчивого развития, провозглашенная Организацией объединенных наций. Из 17 декларируемых целей развития, первые пять в большей степени ориентированы на решение глобальных проблем именно социального характера. Наряду с преодолением нищеты, голода, недоступности образования, поддержкой здоровья и благополучия людей, одной из первых целей (пятой) является обеспечение гендерного равенства для девочек и женщин во всем мире.

ООН приводит данные по гендерному неравенству в мире:

- 1) В 18 странах мира муж имеет официальное право запретить жене работать, при этом в мире 750 млн. девушек вступили в брак в возрасте до 18 лет;
- 2) В 49 странах отсутствуют законы, запрещающие домашнее насилие со стороны мужчин;
- 3) Доля женщин, имеющих право на землю, в глобальном измерении составляет 13 %.

Проблему гендерного неравенства подтверждают документы ЮНИСЕФ. В стратегическом плане ЮНИСЕФ с 2021 по 2025 год одной из ключевых целей является развитие гендерно ориентированных систем образования, когда еще в подростковом возрасте девочкам во всем мире должны создаваться равные возможности для обучения с мальчиками, и условия, чтобы они не покидали школу. Приводится статистика о том, что в малообеспеченных семьях во многих регионах мира вероятность того, что мальчик пойдет в школу выше в 2 раза,

чем в случае с девочкой. Это приводит к тому, что в среднем по миру каждая четвертая девушка 15–19 лет не работает по найму и не зачислена в образовательное учреждение. Среди юношей в таком статусе находится только каждый десятый. И пандемия, как показывает исследование ЮНИСЕФ, только усугубила эту проблему. Поэтому гендерно ориентированное образование – проблема мировая, которая тесно связана с присутствием женщин на мировом рынке труда.

ЮНЕСКО приводит данные о том, что только 28 % выпускников технических факультетов по всему миру – женщины и девушки. На гуманитарных факультетах этот процент выше, но тоже менее половины – 40 %.

Данные Организации объединенных наций показывают, что на долю женщин сегодня приходится 23,7 % мест в государственных парламентах, что пока не отвечает принципу гендерного паритета.

В России законодательство об образовании гарантирует женщинам равные с мужчинами права на образование, но есть данные различных исследований о том, что профессиональная, управленческая карьера, оплата труда женщин по стране пока еще не достигает уровня мужчин и отстает на 27–28 %.

В этой связи развитие женского лидерства в повестке формирования условий гендерного равенства видится как взаимонаправленный процесс. Со стороны государства, мировых общественных институтов, он направлен на создание условий для развития прав и возможностей женщин, а со стороны самих женщин – это создание и реализация возможностей для развития, формирования лидерской мотивации для личностной и карьерной самореализации.

Ежегодно компания Mastercard составляет мировой рейтинг женского предпринимательства, а Всемирный экономический форум ведет международный индекс гендерного равенства. В 2021 году наивысший индекс получила Исландия, а Россия осталась в середине рейтинга на 81 месте без «продвижения вверх» за год. В докладе отмечено, что основными причинами, сдерживающими развитие гендерного равенства в России, стали недостаточное количество женщин на топ-должностях в бизнесе, госсекторе и политике, а также уровень оплаты труда, существенно меньший, чем у мужчин.

Внимание мирового сообщества к недостаточно равным условиям развития мужчин и женщин, с одной стороны, еще острее зафиксировало проблему, а с другой инициировало целый ряд процессов как на регионально-страновом уровне, так и в глобальном аспекте. Эти процессы создают более благоприятные условия для личностного и профессионального развития женщин.

Исследования гендерного равенства и женского лидерства в гуманитарной науке

В целом, история гендерных исследований насчитывает несколько столетий. Большинство из них, вплоть до XX века, «работали» на подтверждение модели

«патриархального» мира, социально закреплённой во многих мировых культурах и сообществах. Психологические, физиологические исследования в течение нескольких столетий стремились подтвердить превосходство когнитивных процессов мужчин над женщинами, что неизменно отражалось на социальном статусе, социальном детерминизме гендеров.

Д. Риппон в своем исследовании «Гендерный мозг» (Риппон, 2019) приводит примеры многочисленных результатов взвешиваний крупы и картечи, насыпанных в женские и мужские черепа, и прочие попытки установить взаимосвязь размера/объема черепа с размером и весом мозга, таким образом пытаясь доказать некие преимущества мужчин в плане познавательных процессов над женщинами. Так, основоположник психологии масс Г. Лебон измерял объемы черепов мужчин и женщин, и эмпирически пришел к заключению, что мозг мужчин в среднем на 140 граммов весит больше, чем мозг женщины. Из этого делался вывод, что мужчины умнее, способнее женщин. И опыты эти проводились не в средневековье, а в конце XIX века.

С тех пор, больше столетия продолжались различные исследования с целью доказать (уже при помощи современных инструментов: МРТ и энцефалограммы) существование различий между женским и мужским мозгом, но практически все они завершились выводами о том, что особенности развития мозга определяются скорее тем, как человек проживает свою социальную жизнь, нежели гендерными различиями. Есть отдельные результаты, которые получены, но до сих пор не интерпретированы в достаточной степени: «ученые обнаружили, что у мужчин более достоверная корреляция между IQ и серым веществом (в 6,5 раз больше, чем у женщин), а у женщин в девять раз более достоверная корреляция IQ и белого вещества. Однако не было никаких выводов относительно того, что может означать эта корреляция на самом деле» (Риппон, 2019, с. 27; Rippon, Jordan-Young, Kaiser, Fine, 2014).

Ученые в мире до сих пор предпринимают попытки доказать наличие различий в способностях, умениях, обучаемости, поведении, основанных на генетической разности гендеров. Еще совсем недавно, в 2005 году, президент Гарвардского университета Л. Саммерс заявил, что мужчины в силу своей генетической природы лучше справляются с математикой и естественными исследованиями, чем женщины. Он отметил, что различия, которые приписывали социализации, таковыми не являются. Спустя 5 лет, в 2010 году Д. Прескотт и с соавт., изучая математически одаренных подростков, доказала обратное, а именно, что межполушарные связи, чаще более развиты у женщин, чем у мужчин, дают больше способностей к математике и формируют «математический склад ума» (Prescott et al., 2010). Однако данное исследование не имело такого научного резонанса, как описанное Д. Риппон.

В конце XX – начале XXI века основой ряда исследований, изучающих биологически обусловленные отличия женского и мужского поведения, стали уже

не только френология и генетика, но и современные данные в области эндокринологии. Ученые высказали ряд гипотез об особенностях женского поведения, обусловленного специфическими, именно для женщин, гормонами. В первую очередь исследовали андрогены, эстрогены и прогестероны. В прошлом десятилетии был выпущен целый ряд подобных исследований, в частности, работа Р. Верма, Я. Балхар и Ч. Гупта «Гендерные различия в реакции на стресс: роль детерминант развития и биологических детерминант (Verma, Balhara, Gupta, 2011). В ней описано, как типично «женские» гормоны эстроген и эстрадиол влияют на кортизол, который известен как «гормон стресса» – итогом исследования стало обоснование различий проживания стресса у женщин и мужчин на основании нейрофизиологии и эндокринологии.

Около десяти лет назад К. Файн был введен термин «нейросексизм», агрегирующий подобные наблюдения и эксперименты по доказательству разницы между мозгом и эндокринной системой мужчины и женщины как поведенческой детерминанты (Lucas, 2012).

Однако в современном нейрофизиологическом знании об устройстве мозга, мышления, а также эндокринной системы мужчин и женщин, наука, обнаруживая и подтверждая отличия, находит в них не только негативный, для гендерного равенства, но и позитивный смысл. «Выдвигается гипотеза о том, что женщина сможет работать не менее эффективно (*чем мужчина – прим. авт.*), если будет развивать те качества, которые являются основой биохимии гормонов ее мозга», – пишет А. Ю. Бухарина (Бухарина, 2018, с. 3). Поведение женщин контролирует семь, так называемых, «женских» гормонов, которые позволяют женщинам эффективно развивать эмоциональный интеллект, эмпатию, интуицию, быть более гибкими в принятии решений, что можно определить как феномен «мягкой силы». Термин пришел из политологии, а исторически восходит к учению Лао Цзы, и означает способность добиваться результатов во взаимодействии с другими людьми на основе симпатии, уважения, без принуждения. В теории современного лидерства «мягкой силой» как раз можно назвать типично «женский», гибкий стиль управления, основанный на аутентичности, «экологичности» поведения, человекоцентричности. Он во многом связан с гормонами, обуславливающими более «женское» поведение и мышление, и, по мнению автора, в большей степени характерен именно для женского лидерства, чем для мужского. В процессе личностного и профессионального саморазвития женщин этот стиль деятельности формируется на основе системы психологических предпосылок, которые являются факторами успешного и гармоничного саморазвития женщины.

Необходимо при этом отметить, что известен также ряд исследований, отмечающих, что феминность, которую наряду с маскулинностью можно отнести к предпосылкам гендерных различий поведения и деятельности, является скорее

социально, нежели биологически обусловленной ролью в процессе исторического развития людей (Хафизова, 2015; Мид, 2004).

Современная наука также различает «женский» и «мужской» стиль управления, хотя результаты этих исследований порой неоднозначны. Так, например, Т. Гололобова говорит о том, что «женский» стиль управления более ориентирован на процесс, а «мужской» – на результат (Гололобова, 2021). Сравнивая «мужской» и «женский» стили управления, Т. В. Михайлова и И. В. Белашкевич пишут о том, что женщины «...характеризуются большими возможностями оказания влияния на подчиненных и партнеров, ... большим уровнем инициативности, пониманием и четкой расстановкой ценностей, продуктивностью в вопросах выстраивания и поддержания отношений» по сравнению с мужским стилем (Михайлова, Белашкевич, 2020, с. 63). Анализируя различия в «женском» и «мужском» управлении, Т. Н. Субботина и Е. В. Лукашина пришли к выводу о том, что «мужчинам-руководителям характерен агрессивный подход в управлении, они подчиняют коллектив, ... тогда как женщины наоборот предпочитают социальное партнерство, ... и повышают самооценку сотрудников через разделение власти» (Субботина, Лукашина, 2021, с. 173; Котоманова, 2015; Кулакова, 2015). Можно не согласиться с таким выводом как с обобщающим, но если говорить не о реальной статистике и ситуациях управления, а о типичных «женском» и «мужском» стиле лидерства – выводы как раз подтверждают общую направленность современных исследований.

Так или иначе, все эти предпосылки, обусловленные социально и биологически, являются необходимыми основаниями для «запуска» формирования личностной траектории лидерства у женщин и одновременно развиваемыми компетенциями, которые, формируясь, в свою очередь, влияют на успешность и эффективность самого лидерства:

- 1) Гибкость и принятие;
- 2) Эмпатия и эмоциональный интеллект;
- 3) Креативность;
- 4) Интуиция;
- 5) Многозадачность;
- 6) Ответственность;
- 7) Работа в команде и наставничество;
- 8) Вера и уверенность в своей жизненной миссии.

Что-то из этих предпосылок в большей степени является когнитивными компетенциями – они поддаются развитию в системе «мягких навыков» достаточно непросто – но известны методики развития креативности, интуиции, умения работать в системе многозадачности; что-то является более функциональными и комплексными компетенциями (наставничество, ответственность); какие-то предпосылки относятся к надкомпетентному

уровню развития личности (вера в себя и уверенность в своей миссии), но они также могут развиваться на протяжении всей жизни.

В этом развитии лидерство, и в том числе женское лидерство, проходит три этапа, три смысловые сферы, которые возникают одновременно как горизонты саморазвития личности в социальной среде и тесно связаны между собой.

Б. С. Братусь в своем исследовании выделяет «эгоцентрические смыслы», характеризующие развитие «Я», «группоцентрические смыслы», отвечающие за отношения человека с его близким окружением, командой, и, наконец, «просоциальные смыслы» – высшая общечеловеческая нравственно-ценностная ориентация, которая «характеризуется внутренней смысловой устремленностью человека на создание таких результатов (продуктов труда, деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим, даже лично ему незнакомым, «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом» (Братусь, 1988). Об этом же в своей научной статье пишет один из крупнейших в России современных исследователей в области психологии смысла И. В. Абакумова. Она отмечает, что указанные уровни смысловой сферы личности ложатся в основу смысловой стратегии, которая «позволяет оптимизировать активность субъекта во взаимоотношении с объективной действительности ... и проявляется в отношении к жизни и самому себе» (Абакумова, Годунов, Белова, 2017, с. 14).

Именно в этой логике реализована образовательная программа «Женщина-лидер» Мастерской управления «Сенеж». Ее тематические блоки «Я», «Команда», «Сообщество» отвечают смысловым сферам и «горизонтам» самореализации лидера: кто «Я», в чем моя идентичность и мой бренд; кто мой ближний круг, мое пространство доверия и моя команда как управленческий ресурс; кто я в сообществе равных, чем ценен для него и чем оно ценно для меня.

Что же является мотивом, который дает импульс к саморазвитию женщин и «запускает» в них лидерское становление и формирование? Исследуя запрос на самореализацию и саморазвитие женщин, были проведены интервью с успешными, состоявшимися женщинами, к которым обратились с несколькими вопросами. В ноябре-декабре 2021 года участницы первого потока программы «Женщина-лидер» Мастерской управления «Сенеж» приняли участие в специальном исследовании, которое проводил Аналитический центр «НАФИ». В ходе опроса 60 участниц образовательного проекта вспомнили о наиболее важных моментах, повлиявших на их профессиональный и личностный рост.

Следует отметить, что чаще всего, как можно увидеть из приведенных данных, импульсом саморазвития наступало некое нарушение сложившегося баланса, которое требовало ребалансировки жизненных сфер, но в итоге приводило к обновлению жизненной стратегии и лидерскому развитию. Примечательно в этой связи, что не только начало общественной и публичной деятельности, смена деятельности и открытие бизнеса, создали потребность в саморазвитии

опрошенных женщин, но и факторы семейные: замужество, рождение ребенка и т. д.

Таблица 1

Ответы на вопрос «Вспомните, как происходил процесс Вашего профессионального и личностного развития. Какие моменты в жизни и карьере стали самыми важными и решающими для Вашего роста?»

Варианты ответов	%
Начало общественной деятельности	46*
Рождение ребенка	35
Смена профессии, сферы деятельности	32
Открытие собственного бизнеса	23
Начало публичной деятельности (присутствие в СМИ)	23
Развитие личного бренда в социальных сетях	18
Замужество	12
Развод	12
Работа за рубежом	11
Снижение уровня доходов	5
Потеря работы	4
Начало научной деятельности	4

Примечания:

* в% от всех опрошенных,

*Сумма ответов превышает 100 %, т. к. респонденты могли дать несколько вариантов ответа

Обсуждение результатов

Необходимо кратко подвести итоги всему вышесказанному.

XXI век открывает все больше возможностей для развития женщин и создает условия для гендерного равенства. Это глобальная мировая повестка, в которую активно включена и Россия. Исторически, в патриархальной мировой системе, ранее практически не существовало предпосылок для развития женского лидерства. Научные исследования на протяжении веков делали вывод о более развитых когнитивных способностях мужчин на основе изучения разности нейрофизиологических, психологических особенностей мужчин и женщин, разделяли исторически сложившиеся маскулинность и феминность как социально обусловленные роли. Современная наука продолжает эти исследования и в целом подтверждает такие различия. Они более не являются основаниями

для любых гендерных сегрегаций, а выступают доказательствами и подтверждениями самобытности личностного и профессионального развития женщин, которое в одной из своих высших форм называется «женским лидерством». Женское лидерство развивается в системе психологических, когнитивных, социальных детерминант саморазвития, которую автор называет «компас женского лидерства», и в триедином социальном смысловом горизонте, связанном с развитием личного, группового и социального «Я» женщины-лидера. Выход в публичное, социальное пространство, а также необходимость ребалансировки иных жизненных сфер вызывают потребности и становятся мотивами саморазвития женщин, которые в социальной среде, все более готовой к гендерному равенству, все больше реализуют свои возможности и развивают себя как лидеры.

Заключение

В статье были рассмотрены подходы к исследованию гендерного равенства и женского лидерства, предпосылки и мотивы социально-управленческого развития современных женщин, современные прикладные исследования их ценностно-мотивационной сферы. В системе целей устойчивого развития, обеспечения гендерного равенства, повышения социальной и деловой активности женщин в России и в мире, развития особого стиля лидерства – женского, изучение мотивов саморазвития женщин и ценностной сферы, обуславливающей его, актуальность современных исследований в этой области будет неизменно повышаться.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Абакумова, И. В., Годунов, М. В., Белова, Е. В. (2017). Развитие представлений о смыслообразующих стратегиях личности в современном обществе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 5, 13–16.
- Братусь, Б. С. (1988). *Аномалии личности*. М.: Мысль.
- Бухарина, А. Ю. (2018). Использование женской модели управления в персональной и корпоративной практике. *Философия хозяйства*, 1(115), 241–254.
- Гололобова, Т. М. (2021). Особенности женского стиля управления компаниями. *Вестник управления*, 12, 5–9.
- Котоманова, О. В. (2015). Проблема стилей, мотивации и участия в управлении мужчин и женщин. *Вестник Бурятского университета. Образование, личность, общество*, 5, 91–95.
- Кулакова, Т. В. (2015). Особенности гендерных различий стиля управления. *Актуальные проблемы современности, наука и общество*, 1(6), 43–45.
- Мид, М. (2004). *Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире*. М.: РОССПЭН.

Михайлова, Т. В., Белашкевич, И. В. (2020). Исследования гендерных вопросов в управленческой деятельности. *Евразийский союз ученых*, 6–3(75), 62–65.

Риппон, Д. (2019). *Гендерный мозг. Современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге*. М.: Бомбора.

Субботина, Т. Н., Лукашина, Е. В. (2021). Влияние гендерных особенностей на управление персоналом. *Экономика и бизнес: Теория и практика*, 4–2, 172–175. <https://www.doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-172-175>

Хафизова, Н. А. (2015). Маскулинность и феминность как стили (на примере исследований Маргарет Мид). *Технологос*, 3, 20–30.

Lucas, M. (2012). Cordelia Fine. Delusions of Gender: How Our Minds, Society, and Neurosexism Create Difference. *Society*, 49, 199–202. <https://doi.org/10.1007/s12115-011-9527-3>

Prescott, J., Gavrilescu, M., Cunnington, R., O'Boyle, M. W., Egan, G. F. (2010). Enhanced brain connectivity in math-gifted adolescents: An fMRI study using mental rotation. *Cognitive Neuroscience*, 1(4), 277–288. <https://doi.org/10.1080/17588928.2010.506951>

Rippon, G., Jordan-Young, R., Kaiser, A., Fine, C. (2014). Recommendations for sex/gender neuroimaging research: key principles and implications for research design, analysis, and interpretation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, 650. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00650>

Verma, R., Balhara, Y. P. S., Gupta, C. S. (2011). Gender differences in stress response: Role of developmental and biological determinants. *Industrial Psychiatry Journal*, 20(1), 4–10. <https://www.doi.org/10.4103/0972-6748.98407>

References

Abakumova, I. V., Godunov, M. V., Belova, E. V. (2017). Development of ideas about the meaning-making strategies of individual in modern society. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 5, 13–16. (in Russ.).

Bratus, B. S. (1988). *Personality anomalies*. Moscow: Mysl. (in Russ.).

Bukharina, A. Yu. (2018). The use of female management model in personal and corporate practice. *Philosophy of economy*, 1(115), 241–254. (in Russ.).

Gololobova, T. M. (2021). Aspects of female style of company management. *Management Bulletin*, 12, 5–9. (in Russ.).

Khafizova, N. A. (2015). Masculinity and femininity as styles (on the example of the studies of Margaret Mead). *Technologos*, 3, 20–30. (in Russ.).

Kotomanova, O. V. (2015). The issue of styles, motivation and participation in management of men and women. *Bulletin of Buryat University. Education, personality, society*, 5, 91–95. (in Russ.).

Kulakova, T. V. (2015). Special aspects of gender differences in management style. *Current problems of modernity, science and society*, 1(6), 43–45. (in Russ.).

Lucas, M. (2012). Cordelia Fine. Delusions of Gender: How Our Minds, Society, and Neurosexism Create Difference. *Society*, 49, 199–202. <https://doi.org/10.1007/s12115-011-9527-3>

Mead, M. (2004). *Male and female. Exploring Sex in a Changing World*. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.).

Mikhailova, T. V., Belashkevich, I. V. (2020). Research on gender issues in management activities. *Eurasian Union of Scientists*, 6–3(75), 62–65. (in Russ.).

Prescott, J., Gavrilescu, M., Cunningham, R., O'Boyle, M. W., Egan, G. F. (2010). Enhanced brain connectivity in math-gifted adolescents: An fMRI study using mental rotation. *Cognitive Neuroscience*, 1(4), 277–288. doi: <https://doi.org/10.1080/17588928.2010.506951>

Rippon, D. (2019). *Gender brain. Modern neuroscience dispels the myth of the female brain*. Moscow: Bombora. (in Russ.).

Rippon, G., Jordan-Young, R., Kaiser, A., Fine, C. (2014). Recommendations for sex/gender neuroimaging research: key principles and implications for research design, analysis, and interpretation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, 650. doi: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00650>

Subbotina, T. N., Lukashina, E. V. (2021). The impact of gender on personnel management. *Economics and Business: Theory and Practice*, 4–2, 172–175. <https://www.doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-172-175> (in Russ.).

Verma, R., Balhara, Y. P. S., Gupta, C. S. (2011). Gender differences in stress response: Role of developmental and biological determinants. *Industrial Psychiatry Journal*, 20(1), 4–10. <https://www.doi.org/10.4103/0972-6748.98407>

УДК 159.99

Роль и влияние типажа при выборе романтического партнёра у молодых людей

Валерия В. Ребенюк

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: rebenok@sfedu.ruORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1601-0273>

Аннотация

В статье автор рассматривает роль и влияние элементов типажа на выбор партнёра для романтических отношений у молодых людей. Во **Введении** автором обосновывается актуальность, обозначается цель и выдвигаются гипотезы. Новизна исследования заключается в изучении элементов типажа, влияющих на выбор романтического партнера у современных молодых людей, влияния схожести с собой или с родственником противоположного пола. В **«Методах»** представлен авторский опросник, использованный в исследовании. В нём приняло участие 118 человек: 77 девушек и 41 парень. В ходе исследования была применена методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. В ней приняло участие 90 студентов: 55 девушек и 35 парней. В **«Результатах»** описывается, что большинство молодых людей не выбирают себе романтического партнёра по принципу схожести его с родителем или близким родственником противоположного пола. Для девушек наиболее важным фактором является поведение молодого человека и проявление его в социуме. Для парней наиболее значимый критерий – черты лица и телосложение девушки. Примерно половина девушек и треть парней видят сходство между собой и романтическим партнёром на момент начала отношений. Причина несхожести романтического партнёра или партнёрши с респондентом или членом семьи респондента для большинства не является определяющей выбор в пользу романтического партнёра. Было выявлено 2 тенденции: 1) партнёры обладают сходной степенью выраженности практически по всем качествам, в паре не выделяется доминирующих черт или выделяются схожие; 2) один из партнёров выражено доминирует над другим. В **Обсуждении результатов** автор опровергает теорию З. Фрейда о том, что люди ищут в своём партнёре черты родителя противоположного пола; ссылается на других исследователей, изучающих влияние различных факторов на выбор романтического партнёра; подтверждает теорию комплементарных потребностей Р. Уинча.

Ключевые слова

выбор, романтический партнёр, романтические отношения, девушки, парни, элементы типажа, молодые люди

Для цитирования

Ребенко В.В. Роль и влияние типажа при выборе романтического партнёра у молодых людей // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 6. С. 19–36. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-19-36>

The role and influence of a person's type when choosing a romantic partner for young people

Valeria V. Rebenok

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: rebenok@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1601-0273>

Abstract

In the article, the author examines the role and influence of the elements of the person's type on the choice of a partner for romantic relationships in young people. In the **Introduction**, the author substantiates the relevance, sets a goal, and hypotheses are put forward. The novelty of the research lies in the study of the elements of the type that influence the choice of a romantic partner of modern young people, the influence of similarity with oneself or with a relative of the opposite sex. The section **"Methods"** presents the author's questionnaire used in the study. 118 people took part in it: 77 girls and 41 guys. Also, in the course of the study, T. Leary's Method of diagnosing interpersonal relationships was used. 90 students took part in it: 55 girls and 35 boys. The **Results** describes that most young people do not choose a romantic partner based on the principle of his similarity with a parent or a close relative of the opposite sex. For girls, the most important factor is the behavior of a young man and his manifestation in society. For boys, the most significant criterion is facial features and physique of a girl. About half of the girls and a third of the boys see similarities between themselves and a romantic partner at the time of the beginning of the relationship. The reason for the dissimilarity of the romantic partner or partner with the respondent or a family member of the respondent is not the determining choice in favor of a romantic partner for the majority. 2 trends were identified: 1) partners have a similar degree of expression in almost all qualities, there are no dominant features in the pair or similar ones are distinguished; 2) one of the partners is clearly dominant over the other. In **Discussion of the results**, the author refutes the theory of Z. Freud says that people are looking for traits of a parent of the opposite sex in their partner. Refers to other researchers studying the influence of various factors on the choice of a romantic partner. Confirms the theory of complementary needs of R. Winch.

Keywords

choice, romantic partner, romantic relationships, girls, boys, elements of type, young people

For citation

Rebenok, V.V. (2021). The role and influence of a person's type when choosing a romantic partner for young people. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(6), 19–36. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-19-36>

Введение

На протяжении жизни каждый из нас сталкивается с сотнями людей: мужчинами и женщинами разных возрастов с уникальными внешностью, жестами, привычками, голосом, запахом. Многие из них остаются для нас незамеченными и забываются. Кого-то мы определяем как приятелей или друзей, не вступая с ними в любовные и интимные связи.

Однако иногда нам удаётся воспринять некоторые черты, определяющие наше отношение к конкретному человеку как к тому, кого мы желаем видеть в качестве своего романтического партнёра. Это могут быть элементы внешнего облика, биологические особенности, а также проявления в социальной жизни. Партнеры последовательно проходят через серию фильтров, и в этом процессе происходит постепенное отсеивание ряда людей из числа возможных партнеров и сужение индивидуального выбора (Галимзянова, 2009). Очень часто эти черты, определяющие общий типаж человека, являются неувидимыми и воспринимаются нами бессознательно, вынуждая действовать по отношению к данной личности определенным заранее образом.

До сих пор остаётся загадкой, почему для развития романтических отношений люди часто выбирают определённый тип женщин или мужчин, снова и снова повторяющийся на протяжении жизни. Почему в качестве романтического партнёра был выбран именно этот мужчина или определена именно эта женщина? Какую роль играет типаж человека при выборе романтического партнёра?

Актуальность данного исследования состоит в том, что изучение психического механизма выбора романтического партнёра, основанного на типаже, может применяться с целью предотвращения возможности абьюзивных или деструктивных отношений под влиянием запечатлённого образа в негативном прошлом опыте (Кернберг, 2000).

Новизна исследования заключается в изучении элементов типаж, влияющих на выбор романтического партнера современных молодых людей, в частности, влияния схожести с собой или с родственником противоположного пола.

Цель исследования: изучить роль, значение и влияние типаж при выборе партнёра для романтических отношений у молодых людей, используя

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

теоретическое и эмпирическое исследования.

В ходе исследования автором были выдвинуты следующие гипотезы:

1) В качестве романтического партнёра женщины выбирают мужчину, чей внешний образ и стиль поведения напоминают им отца, а мужчины – женщину, чей типаж схож для них с материнским.

2) Молодые люди, вступающие в романтические отношения, выбирают себе партнёра, чей внешний облик и стиль поведения напоминает им их самих. Это может быть связано с неосознаваемой установкой, доставшейся нам от древних предков, что человек, похожий на нас, нам близок, а значит, он более понятен, с ним легче наладить личностный контакт, ему можно доверять.

3) В качестве романтического партнёра молодые люди выбирают себе человека, противоположного им. Возможно, в своём романтическом партнёре они ищут недостающие им черты.

Также автор поставил целью ответить на вопрос: Какие из качеств наиболее важны при выборе романтического партнёра?

Методы

Для исследования влияния элементов типажа при выборе романтического партнёра у молодых людей был разработан авторский опросник. Он состоит из 16 утверждений. На каждое утверждение респондент должен дать один из четырёх вариантов ответа: 1) Совершенно верно; 2) Скорее да, чем нет; 3) Скорее нет, чем да; 4) Совершенно неверно.

Опросник для женщин:

1) Черты лица и телосложения играют для меня важную роль при выборе романтического партнёра.

2) При выборе партнёра для романтических отношений я видела в нём черты, напоминающие мне меня.

3) Среди прочих причин, я выбрала своего романтического партнёра, потому как некоторые из его черт (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.) напоминали мне отца/старшего брата.

4) При выборе романтического партнёра его запах имеет для меня большое значение.

5) Мы с моим партнёром полные противоположности.

6) В процессе взаимодействия и общения с моим романтическим партнёром, я замечаю в нём некоторые черты, напоминающие мне себя.

7) При выборе романтического партнёра я обращаю большое внимание на его жесты, привычки, манеру движений.

8) Иногда я наблюдаю в своём партнёре едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне отца/старшего брата.

9) Когда я увидела своего будущего партнёра для романтических отношений, мне показалось, что он совсем не похож на меня.

10) При выборе партнёра для романтических отношений, звучание и тембр его голоса имеет для меня важное значение.

11) Иногда я вижу себя в своём партнёре.

12) Взгляды на жизнь, поведение моего романтического партнёра и моего отца/старшего брата совпадают.

13) При выборе партнёра для романтических отношений для меня важную роль играют его поведение, проявление себя в социуме.

14) Одной из причин, по которой я выбрала своего партнёра для романтических отношений, было то, что он совсем не похож на меня и на членов моей семьи.

15) Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моего партнёра совпадают.

16) Когда (если бы) я увидела в своём будущем партнёре черты внешности и поведения своего отца/старшего брата, это стало (бы) большим плюсом в пользу выбора его в качестве романтического партнёра.

Опросник для мужчин:

1) Черты лица и телосложения играют для меня важную роль при выборе партнёрши для романтических отношений.

2) При выборе партнёрши для романтических отношений я видел в ней черты, напоминающие мне меня.

3) Среди прочих причин, я выбрал свою партнёршу для романтических отношений, потому как некоторые из её черт (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.) напомнили мне мою мать/сестру.

4) При выборе партнёрши для романтических отношений её запах имеет для меня большое значение.

5) Мы с моей партнёршей полные противоположности.

6) В процессе взаимодействия и общения с моей партнёршей, я замечаю в ней некоторые черты, напоминающие мне себя.

7) При выборе партнёрши для романтических отношений я обращаю большое внимание на её жесты, привычки, манеру движений.

8) Иногда я наблюдаю в своей партнёрше едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне мать/сестру.

9) Когда я увидел свою будущую партнёршу для романтических отношений, мне показалось, что она совсем не похожа на меня.

10) При выборе партнёрши для романтических отношений, звучание и тембр её голоса имеет для меня важное значение.

11) Иногда я вижу себя в своей партнёрше.

12) Взгляды на жизнь, поведение моей партнёрши для романтических

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

отношений и моей матери/сестры совпадают.

13) При выборе партнёрши для романтических отношений для меня важную роль играют её поведение, проявление себя в социуме.

14) Одной из причин, по которой я выбрал свою партнёршу для романтических отношений, было то, что она совсем не похожа на меня и на членов моей семьи.

15) Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моей партнёрши совпадают.

16) Когда (если бы) я увидел в своей будущей партнёрше черты внешности и поведения своей матери/сестры, это стало (бы) большим плюсом в пользу выбора её в качестве партнёрши для романтических отношений.

Каждое утверждение входит в один из четырёх модулей, проверяющих конкретную гипотезу.

Модуль 1: Схожесть романтического(ой) партнёра(ши) с родителем (близким родственником) противоположного пола: утверждения 3; 8; 12; 16.

Модуль 2: Значимость и роль определённых черт типажа при выборе романтического(ой) партнёра(ши): утверждения 1; 4; 7; 10; 13.

Модуль 3: Схожесть партнёров между собой: утверждения 2; 6; 11; 15.

Модуль 4: Противоположность романтических партнёров в паре, несхожесть партнёров между собой: утверждения 5; 9; 14.

В авторском опроснике приняло участие 118 человек, студентов Южного Федерального университета, возрастом от 18 до 25 лет. Из них 77 девушек и 41 парень.

Также в ходе исследования автором была использована методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. Данная методика была адаптирована таким образом, что изначально респондент выбирает качества из списка 128 характеристик, присущие ему самому, а затем, из этого же списка, присущие его романтическому партнёру. Полученные результаты сопоставляются для выяснения того, как взаимодействуют романтические партнёры в отношениях, как соотносятся их личностные характеристики в паре.

В Методике диагностики межличностных отношений Тимоти Лири приняло участие 90 студентов, также являющихся студентами Южного Федерального университета, возрастом от 18 до 25 лет. Из них 55 девушек и 35 парней.

Результаты

Для удобства ответы респондентов на вопросы авторского опросника, были проанализированы по модулям, проверяющим ту или иную гипотезу.

Модуль 1 проверял гипотезу о том, что молодые люди выбирают себе романтического партнёра, чей облик напоминает ему родителя или близкого родственника противоположного пола. На утверждение: «Среди прочих причин,

я выбрала своего романтического партнёра, потому как некоторые из его черт (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.) напоминали мне отца/старшего брата» положительно (то есть, совершенно верно и скорее да, чем нет) ответили 29,9 % из 100 % девушек. На аналогичное утверждение: «Среди прочих причин, я выбрал свою партнёршу для романтических отношений, потому как некоторые из её черт (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.) напомнили мне мою мать/сестру» положительно ответили 17,1 % из 100 % парней. При этом, стоит отметить, что ни один из парней не ответил на данное утверждение «совершенно верно».

На утверждение: «Иногда я наблюдаю в своём партнёре едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне отца/старшего брата» положительно ответили 36,4 % девушек (Рис. 1). На аналогичное утверждение: «Иногда я наблюдаю в своей партнёрше едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне мать/сестру» положительно ответило всего 19,5 % парней (Рис. 2).

8) Иногда я наблюдаю в своём партнёре едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне отца/старшего брата

77 ответов

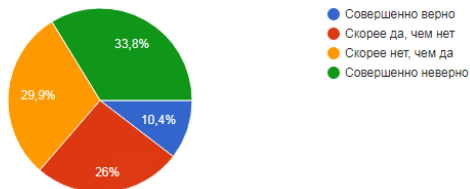

Рисунок 1. Процентное соотношение ответов респондентов женского пола на утверждение 8.

8) Иногда я наблюдаю в своей партнёрше едва уловимые черты (жесты, поведение, манера говорить, привычки, голос и др.), напоминающие мне мать/сестру

41 ответ

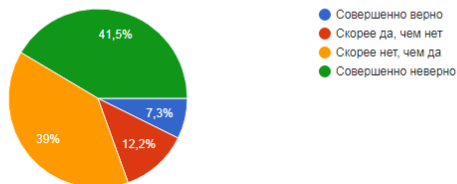

Рисунок 2. Процентное соотношение ответов респондентов мужского пола на утверждение 8.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

На утверждение: «Взгляды на жизнь, поведение моего романтического партнёра и моего отца/старшего брата совпадают» всего 22,1 % девушек ответили «Совершенно верно» и «Скорее да, чем, нет». При этом, на утверждение: «Взгляды на жизнь, поведение моей партнёрши для романтических отношений и моей матери/сестры совпадают» только 17,1 % парней ответило «Скорее да, чем нет», но ни один из респондентов мужского пола не выбрал вариант «Совершенно верно».

На последнее утверждение, входящее в модуль 1, «Когда (если бы) я увидела в своём будущем партнёре черты внешности и поведения своего отца/старшего брата, это стало (бы) большим плюсом в пользу выбора его в качестве романтического партнёра» положительно ответило 40,3 % девушек. Число парней, положительно ответивших на утверждение: «Когда (если бы) я увидел в своей будущей партнёрше черты внешности и поведения своей матери/сестры, это стало (бы) большим плюсом в пользу выбора её в качестве партнёрши для романтических отношений» составило 31,7 % из 100 % парней.

Таким образом, гипотеза о том, что для романтических отношений студенты выбирают себе партнёра, напоминающего им родителя или близкого родственника противоположного пола, не подтвердилась. Однако, основываясь на процентном соотношении положительных ответов парней и девушек, можно сделать вывод о том, что для девушек схожесть романтического партнёра с родителем противоположного пола несколько важнее, чем для парней. Стоит, также, учитывать тот факт, что количество респонденток-девушек было почти в 2 раза больше, чем количество респондентов-парней.

Модуль 2 был нацелен на выявление того, какой из элементов типажа наиболее важен при выборе романтического партнёра для девушек и парней. Результаты опроса по данному модулю представлены в таблице 1.

Таблица 1		
Процентное соотношение положительных ответов респондентов женского и мужского пола по модулю 2.		
Утверждение	Доля положительных ответов девушек (%)	Доля положительных ответов парней (%)
Черты лица и телосложения играют для меня важную роль при выборе партнёра/партнёрши для романтических отношений	71 %	81 %

Таблица 1

Процентное соотношение положительных ответов респондентов
женского и мужского пола по модулю 2.

Утверждение	Доля положительных ответов девушек (%)	Доля положительных ответов парней (%)
При выборе партнёра/ партнёрши для романтических отношений его/её запах имеет для меня большое значение	78 %	76 %
При выборе партнёра/ партнёрши для романтических отношений я обращаю большое внимание на его/её жесты, привычки, манеру движений	85 %	78 %
При выборе партнёра/ партнёрши для романтических отношений, звучание и тембр его/её голоса имеет для меня важное значение	69 %	61 %
При выборе партнёра/ партнёрши для романтических отношений для меня важную роль играют его/её поведение, проявление себя в социуме	92 %	71 %

Таким образом, для девушек наиболее важным фактором при выборе партнёра для романтических отношений является поведение молодого человека и проявление его в социуме. Для парней же наиболее значимым критерием при выборе романтической партнёрши оказались черты её лица и телосложение. Наименее значимым элементом типажа для обоих полов стало звучание и тембр голоса партнёра или партнёрши для романтических отношений.

Модуль 3 содержал утверждения, проверяющие схожесть партнёров между собой. На утверждение: «При выборе партнёра для романтических отношений я видела в нём черты, напоминающие мне меня» доля положительных ответов составила 52 % у девушек. В аналогичном утверждении: «При выборе партнёрши для романтических отношений я видел в ней черты, напоминающие мне меня» у парней доля положительных ответов составила всего 34,1 %.

На утверждение: «В процессе взаимодействия и общения с моим романтическим партнёром, я замечаю в нём некоторые черты, напоминающие мне себя» доля положительных ответов у девушек составила 63,7 % (Рис. 3) Доля положительных ответов парней на аналогичное утверждение: «В процессе взаимодействия и общения с моей партнёршей, я замечаю в ней некоторые черты, напоминающие мне себя» составила 68,3 % (Рис. 4).

6) В процессе взаимодействия и общения с моим романтическим партнёром, я замечаю в нём некоторые черты, напоминающие мне себя

77 ответов

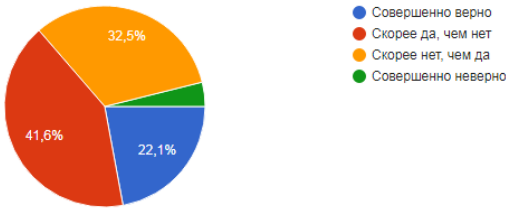

Рисунок 3. Процентное соотношение ответов респондентов женского пола на утверждение 6.

6) В процессе взаимодействия и общения с моей партнёршей, я замечаю в ней некоторые черты, напоминающие мне себя

41 ответ

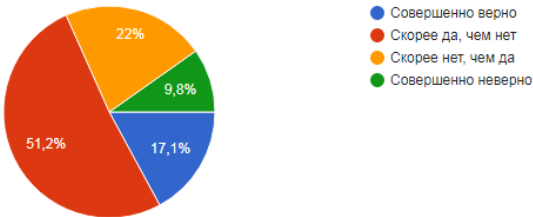

Рисунок 4. Процентное соотношение ответов респондентов мужского пола на утверждение 6.

На утверждение: «Иногда я вижу себя в своём партнёре/своей партнёрше» доля положительных ответов у девушек составила 42,9 %, а у парней – 48,8 %.

На утверждение: «Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моего партнёра совпадают» было получено 79,2 % положительных ответов девушек (Рис. 5). На аналогичное утверждение: «Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моей партнёрши совпадают» – 70,7 % положительных ответов парней (Рис. 6).

15) Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моего партнёра совпадают
77 ответов

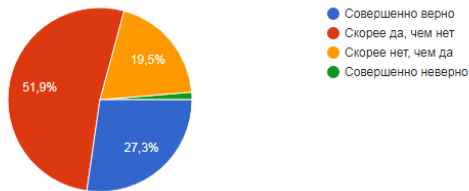

Рисунок 5. Процентное соотношение ответов респондентов женского пола на утверждение 15.

15) Взгляды на жизнь и на способ существования в ней у меня и у моей партнёрши совпадают
41 ответ

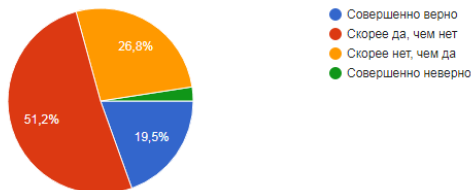

Рисунок 6. Процентное соотношение ответов респондентов мужского пола на утверждение 15.

Таким образом, примерно половина девушек (52 %) и примерно треть парней (34,1 %) видят сходство между собой и романтическим партнером на момент начала отношений. При этом, большая часть девушек (63,7 %) и большая часть парней (68,3 %) начинает замечать сходство между собой и партнером в процессе развития отношений. Это может быть связано с тем, что в процессе общения и взаимодействия партнёры лучше узнают друг друга или же перенимают черты, поведение, взгляды своего романтического партнёра. Почти половина

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

девушек (42,9 %) и парней (48,8 %) замечают самих себя в романтическом партнёре. Фактором, по которому совпадение происходит чаще всего, является фактор схожести во взглядах на жизнь и способ существования в ней между партнерами (79,2 % положительных ответов у девушек и 70,7 % у парней). Можно считать, что данный фактор является определяющим при выборе романтического партнёра у обоих полов.

Последний, 4 модуль, выявлял противоположность романтических партнёров в паре, несхожесть партнёров между собой. По утверждению: «Мы с моим партнёром/моей партнёршей полные противоположности» получено 48,1 % положительных ответов у девушек и 39 % положительных ответов у парней.

По утверждению: «Когда я увидела своего будущего партнёра для романтических отношений, мне показалось, что он совсем не похож на меня» было дано 74,1 % положительных ответов девушек (Рис. 7). На аналогичное утверждение: «Когда я увидел свою будущую партнёршу для романтических отношений, мне показалось, что она совсем не похожа на меня» получено 63,4 % положительных ответов парней (Рис. 8).

9) Когда я увидела своего будущего партнёра для романтических отношений, мне показалось, что он совсем не похож на меня
77 ответов

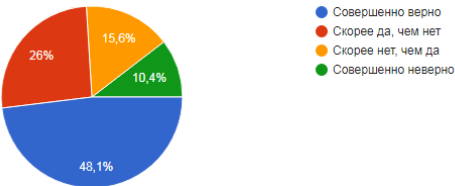

Рисунок 7. Процентное соотношение ответов респондентов женского пола на утверждение 9.

9) Когда я увидел свою будущую партнёршу для романтических отношений, мне показалось, что она совсем не похожа на меня
41 ответ

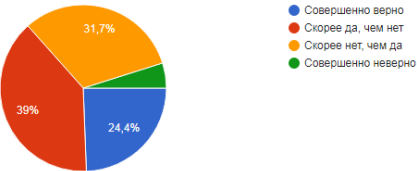

Рисунок 8. Процентное соотношение ответов респондентов мужского пола на утверждение 9.

На утверждение: «Одной из причин, по которой я выбрала своего партнёра для романтических отношений, было то, что он совсем не похож на меня и на членов моей семьи» получено всего 28,6 % положительных ответов девушек. По аналогичному утверждению: «Одной из причин, по которой я выбрал свою партнёршу для романтических отношений, было то, что она совсем не похожа на меня и на членов моей семьи» доля положительных ответов у парней составила 34,1 %.

То есть, другая половина девушек-респонденток (48,1 %) и 39 % парней считают своего партнера полной противоположностью. При этом, большая часть респондентов (74,1 % девушек и 63,4 % парней) при их первой встрече с будущим партнером посчитали, что они совсем не похожи. Это также говорит о том, что романтические партнёры приобретают или замечают схожесть в процессе развития отношений. Однако такой фактор, как противоположность потенциального партнёра не является детерминирующим при выборе его в перспективе дальнейшего развития отношений. Причина несхожести романтического партнёра или партнёрши с респондентом или членом семьи респондента не является определяющей выбор в пользу романтического партнёра для большинства опрошенных.

Для того, чтобы выяснить, как взаимодействуют романтические партнёры в отношениях, как соотносятся их личностные характеристики в паре, автор провёл анализ методики диагностики межличностных отношений Т. Лири, адаптированный под данное исследование. Было выявлено две тенденции:

1) Партнёры обладают сходной степенью выраженности практически по всем качествам. В этом случае в паре не выделяется никаких доминирующих черт или выделяются схожие качества. Можно предположить, что партнёры функционируют и взаимодействуют в паре схоже, действуют «на равных» (Рис. 9).

Рисунок 9. Результат выбора респондентом своих качеств и качеств партнёра, показывающий схожесть партнёров в паре.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2) Один из партнёров выраженно доминирует над другим. Обычно у доминирующего партнёра при этом проявляются черты: властный, агрессивный, независимый и, иногда, великодушный. А у подавляемого: сотрудничающий, великодушный и, иногда, зависимый. Возможно, именно за счёт этих качеств в паре образуется баланс, партнёры как бы дополняют друг друга, и им удаётся взаимодействовать гармонично (Рис. 10).

Рисунок 10. Результат выбора респондентом своих качеств и качеств партнёра, показывающий преобладание противоположных черт и доминирование одного из партнёров в паре.

Обсуждение результатов

Согласно психоаналитической теории (Фрейд, 1989) у ребёнка формируется Эдипов комплекс и комплекс Электры, в которых он испытывает сексуальные импульсы по отношению к родителю противоположного пола и враждебный настрой к родителю своего пола. Конфликт разрешается в дальнейшем через перенесение любви на другие социально одобряемые объекты, на своих потенциальных супругов. (Фрейд, 2003) Так, женщины выбирают мужчину, чей внешний образ и стиль поведения напоминают им отца, а мужчины – женщину, чей типаж схож для них с материнским. Однако проведённое автором исследование не подтвердило эту теорию. Согласно результатам, всего около трети опрошенных девушек (32,2 %) и менее четверти парней (21,2 %) выбирают себе

партнёра для романтических отношений по критерию схожести с родителем противоположного пола или же замечают в своём романтическом партнёре черты, напоминающие им родственника или родителя противоположного пола.

Согласно полученным в данном исследовании результатам, для девушек наиболее важным фактором при выборе романтического партнёра является поведение молодого человека и проявление его в социуме. Для парней же наиболее значимым критерием при выборе романтической партнёрши оказались черты её лица и телосложения. Это соотносится с рядом исследований и подтверждает их. Так, Дэвид Басс (Buss, 1989) выяснил, что женщины уделяют особое внимание признакам, связанным с богатством и статусом, в то время как мужчины придают первостепенное значение физической привлекательности. В своём обзоре работ Граммер (Палмер, Палмер, 2003) пишет о том, что мужчины, как правило, отдают предпочтение физической привлекательности, а женщины рассматривают множество различных особенностей, включая социальный и экономический статус. Мужские брачные объявления получают тем больше откликов, чем выше заявленный в объявлении уровень образования. Женские объявления, напротив, оказываются более успешными, если в них заявлен низкий образовательный уровень (Марков, 2011). Иные исследования показали, что самую негативную оценку отношения вызвала незнакомая некрасивая девушка, отношение к которой было близко к неуважительному, чуть более позитивное отношение вызывает незнакомый некрасивый молодой человек. Дружелюбное же отношение вызывает знакомая красивая девушка – она располагает к себе. Наиболее позитивное (дружелюбное) отношение в глазах респондентов вызывает образ знакомого красивого молодого человека. (Лабунская и др., 2019). Результаты исследований, проведенных в разных странах, свидетельствуют о том, что мужчины отдают предпочтение женщинам, физические «кондиции» которых (например, молодавые лица и фигуры) позволяют рассчитывать на их плодovitость. Женщины отдают предпочтение мужчинам, богатство, власть и амбиции которых гарантируют условия, необходимые для защиты и взращивания потомства. (Майерс, 2010).

Наименее значимым элементом типажа из исследуемых для обоих полов оказалось звучание и тембр голоса партнёра для романтических отношений. Однако, голос был избран значимым фактором у 69 % девушек и 61 % парней. Согласно ряду исследований, люди воспринимают индивидуумов с привлекательными голосами более благоприятно и считают, что они обладают более желательными личностными характеристиками (Hughes, Farley, Rhodes, 2010). Более того, чем выше оценки привлекательности голоса, тем более похожим на себя считает участник эксперимента говорящего и тем больше его желание вступить с ним в контакт (Zuckerman, Miyake, 1993).

Анализ результатов исследования показал, что примерно половина девушек

и примерно треть парней видят сходство между собой и романтическим партнером на момент начала отношений. Возможно, для девушек фактор схожести при выборе партнёра для романтических отношений представляет собой большую значимость, чем для парней. При этом, большая часть девушек и парней начинает замечать сходство между собой и партнером в процессе развития отношений. Это может быть связано с тем, что в процессе общения и взаимодействия партнёры лучше узнают друг друга или же перенимают черты, поведение, взгляды своего романтического партнёра. Так, если близость и взаимность важны на начальных этапах межличностного влечения, то по мере развития отношений значение приобретает сходство установок и ценностей (Newcomb, 1961). Социальные психологи подчеркивают, что сходство ценностей может быть одной из наиболее важных переменных, влияющих на межличностное влечение (Суэми, Фернхем, 2009). Это подтверждает то, что фактором, который является определяющим при выборе романтического партнёра у обоих полов и по которому совпадение в данном исследовании происходило чаще всего, является фактор схожести во взглядах на жизнь и способ существования в ней между партнерами. Результаты других исследований показывают, что влечение сильнее между людьми, которые похожи или подходят друг другу с точки зрения социального происхождения и личностных качеств (Некрасова, 2010).

В ходе исследования было обнаружено, что почти половина девушек и 39 % парней считают своего партнера полной противоположностью. При этом, большая часть респондентов при первой встрече с будущим партнером посчитали, что они совсем не похожи. Кроме того, в анализе пар обнаружена тенденция, при которой один из партнёров выраженно доминирует над другим, при этом, у них проявляются противоположные черты характера. Это полностью подтверждает теорию комплементарных потребностей Р. Уинча: люди предпочитают выбирать в супруги тех, чьи психологические особенности противоположны и комплементарны (дополнительны) их собственным. (Андреева, 2004). Например, человек робкий и склонный к зависимости, согласно Уинчу, предпочтет партнера сильного и доминантного.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Андреева, Т. В. (2004). *Семейная психология: Учеб. пособие*. СПб.: Речь.
- Галимзянова, М. В. (2009). Отношения в родительской семье и выбор партнера. Вестник Санкт-Петербургского университета. *Социология*, 2–1, 277–286.
- Кернберг, О. Ф. (2000). *Отношения любви: норма и патология*. М.: Независимая фирма "Класс".

Лабунская, В. А., Сериков, Г. В., Шкурко, Т. А., Андриенко, Т. А., Гура, О. Р., Дроздова, И. И., Зинченко, Е. В., Никитина, Д. А., Погонцева, Д. В., Якименко, Д. И. (2019). *Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография.* Ростов-на-Дону: Мини-Тайп.

Майерс, Д. (2010). *Социальная психология.* СПб.: Питер.

Марков, А. В. (2011). *Эволюция человека. в 2-х томах. Книга 1. Обезьяны, кости и гены.* М.: АСТ.

Некрасова, Е. В. (2010). Особенности социометрических предпочтений старшеклассников. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, 1, 70–75.

Палмер, Д., Палмер Л. (2003). *Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens.* СПб.: Прайм-Еврознак.

Суэми, В., Фернхем, А. (2009). *Психология красоты и привлекательности.* СПб.: Питер.

Фрейд, А. (2003). *Детский психоанализ.* СПб.: Питер.

Фрейд, З. (1989). *Введение в психоанализ: Лекции.* М.: Наука.

Buss, D. (1989). Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures. *Behavioral and Brain Sciences*, 12(1), 1–14. <http://doi.org/10.1017/S0140525X00023992>

Hughes, S. M., Farley, S. D., Rhodes, B. C. (2010). Vocal and Physiological Changes in Response to the Physical Attractiveness of Conversational Partners. *Journal of Nonverbal Behavior*, 34(3), 155–167. <http://doi.org/10.1007/s10919-010-0087-9>

Newcomb, T. M. (1961). *The acquaintance process.* New York: Holt, Rinehart & Winston. <http://doi.org/10.1037/13156-000>

Zuckerman, M., Miyake, K. (1993). The attractive voice: What makes it so? *Journal of Nonverbal Behavior*, 17(2), 119–135. <http://doi.org/10.1007/BF01001960>

References

Andreeva, T. V. (2004). *Family psychology: Textbook.* St. Petersburg: Rech'. (in Russ.).

Buss, D. (1989). Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures. *Behavioral and Brain Sciences*, 12(1), 1–14. doi: <http://doi.org/10.1017/S0140525X00023992>

Freud, A. (2003). *Child psychoanalysis.* St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Freud, Z. (1989). *Introduction to Psychoanalysis: Lectures.* Moscow: Nauka. (in Russ.).

Galimzyanova, M. V. (2009). Relationships in the parental family and the choice of a partner. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2–1, 277–286. (in Russ.).

Hughes, S. M., Farley, S. D., Rhodes, B. C. (2010). Vocal and Physiological Changes in Response to the Physical Attractiveness of Conversational Partners. *Journal of Nonverbal Behavior*, 34(3), 155–167. doi: <http://doi.org/10.1007/s10919-010-0087-9>

Kernberg, O. F. (2000). The relationship of love: norm and pathology. Moscow: Independent firm "Class". (in Russ.).

Labunskaya, V. A., Serikov, G. V., Shkurko, T. A., Andrienko, T. A., Gura, O. R., Drozdova, I. I., Zinchenko, E. V., Nikitina, D. A., Pogontseva, D. V., Yakimenko, D. I. (2019). *Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research. A Collective monograph*. Rostov-on-Don: Mini-Type. (in Russ.).

Markov, A. V. (2011). *Human evolution. in 2 volumes. Book 1. Monkeys, bones and genes*. Moscow: ACT. (in Russ.).

Myers, D. (2010). *Social psychology*. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Nekrasova, E. V. (2010). Features of sociometric preferences of high school students. *Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 1, 70–75. (in Russ.).

Newcomb, T. M. (1961). *The acquaintance process*. New York: Holt, Rinehart & Winston. <http://doi.org/10.1037/13156-000>

Palmer, D., Palmer L. (2003). *Evolutionary psychology. Secrets of the behavior of Homo sapiens*. St. Petersburg: Prime - Eurozhak. (in Russ.).

Swami, V., Furnham, A. (2009). *Psychology of beauty and attractiveness*. St. Petersburg: Peter. (in Russ.).

Zuckerman, M., Miyake, K. (1993). The attractive voice: What makes it so? *Journal of Nonverbal Behavior*, 17(2), 119–135. <http://doi.org/10.1007/BF01001960>

УДК 159.99

Теоретические основы соревновательной мотивации

Анжела А. Бовенко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: angela.bovenko@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4681-5446>

Аннотация

В статье рассмотрены основные подходы к изучению соревновательной мотивации и связанные с ними теоретические положения. Представлен анализ отечественной и зарубежной научной литературы, в которых отражены теоретические основы соревновательной мотивации. Новизна исследования заключается в малом количестве исследований и отсутствии обобщенной информации по теме. Во **Введении** освещены основные сферы проявления соревновательной мотивации. Помимо спортивной деятельности, соревновательная мотивация также имеет место в образовании, рыночной экономике, в обычной предметно-практической деятельности в целом. Речь идёт также о том, что, чаще всего, впервые соревновательная мотивация проявляется у человека в подростковом возрасте. В разделе **«Теоретическое обоснование»** рассмотрены специфические признаки соревновательных мотивов, место соревновательной мотивации в мотивационной структуре спортивной деятельности и её соотношение со спортивной мотивацией. Составлен также перечень мотивов спортивной деятельности, связанных с соревновательной мотивацией. Раздел **Обсуждение результатов** включает в себя анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов по теме формирования и особенностей проявления соревновательной мотивации. В этом разделе отражено сопровождение соревновательной мотивации конкретными эмоциональными состояниями и упомянуты стратегии, характерные для ситуации соревнования. В разделе **«Заключение»** содержатся основные выводы, сделанные на основе анализа теоретического материала по проблеме соревновательной мотивации. Так, отмечена важность рассмотрения феномена соревновательной мотивации вне контекста спортивной деятельности. Кроме того, обозначены векторы дальнейшего изучения данной проблематики в рамках психологических исследований, а также в контексте разработки мер по повышению эффективности и улучшению протекания образовательного процесса.

Ключевые слова

соревновательная мотивация, спортивная мотивация, рыночная экономика, соревновательный мотив, внутренняя мотивация

Для цитирования

Бовенко А.А. Теоретические основы соревновательной мотивации // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 6. С. 37–46. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-37-46>

Theoretical foundations of competitive motivation

Angela A. Bovenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: angela.bovenko@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4681-5446>

Abstract

The article considers the main approaches to the study of competitive motivation and related theoretical provisions. The analysis of Russian and foreign scientific literature is presented, which presents the theoretical foundations of competitive motivation. The novelty of the study lies in the small number of studies and the lack of generalized information on the topic. The **Introduction** highlights the main areas of manifestation of competitive motivation. In addition to sports activities, competitive motivation also takes place in education, the market economy, in the usual subject-practical activities in general. We are also talking about the fact that, most often, for the first time, competitive motivation manifests itself in a person in adolescence. The **"Theoretical substantiation"** section considers the specific features of competitive motives, the place of competitive motivation in the motivational structure of sports activity and its correlation with sports motivation. A list of motives for sports activities associated with competitive motivation has also been compiled. The **"Discussion of the Results"** section includes an analysis of the results of research by domestic and foreign authors on the topic of the formation and features of the manifestation of competitive motivation. This section also reflects the accompaniment of competitive motivation by specific emotional states and mentions strategies that are typical for a competitive situation. The **"Conclusion"** section contains the main conclusions drawn based on the analysis of theoretical material on the problem of competitive motivation. Thus, the importance of considering the phenomenon of competitive motivation outside the context of sports activity is noted. In addition, vectors for further study of this issue are outlined within the framework of psychological research, as well as in the context of developing measures to increase efficiency and improve the flow of the educational process.

Keywords

competitive motivation, sports motivation, market economy, competitive motive, internal motivation

For citation

Bovenko A.A. (2021). Theoretical foundations of competitive motivation. Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology, 4(6), 37–46. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-37-46>

Введение

Исследования соревновательной мотивации в большинстве случаев проводятся в контексте спортивных мероприятий. Диапазон применения соревновательных видов деятельности в спорте очень велик. Соревнование для спортсмена – это не просто стремление достичь высот и признания, это инструмент для соизмерения своих возможностей.

Изучением соревновательной мотивацией занимались немногие учёные. В отечественной психологии первым о значении мотивации в спорте писал А. Г. Рафаилович. Он обозначил наличие непосредственных и опосредованных мотивов спортивной деятельности и их значимость. В список таких мотивов вошли: удовлетворение, стремление соревноваться и быть здоровым и т. д. (Донцов, Мостовая, 2018).

Известно, что соревновательная мотивация довольно популярна в тренировочной деятельности спортсменов, а также актуальна на разных уровнях соревнований. Значимость и последствие спортивного соревнования (выигрыш, успех, достижение) обусловлены характерным эмоциональным содержанием соперничества – процесса достижения желаемого результата, эмоционально насыщающего субъектов спортивного соревнования. Однако, в большинстве случаев, данный вид мотивации впервые встречается в подростковом возрасте, когда дети стараются подражать «популярным» сверстникам, стремятся не отставать от значимых людей. Престижная, конкурентная мотивация работает у старшеклассников, которые пытаются самоутвердиться, демонстрируя свои познания в той или иной области (Грекова, 2008).

Присутствие у подростков соревновательной мотивации создает возможность полноценно развить выдающиеся способности, знания, умения, навыки не только в контексте спортивных состязаний разного уровня и направленности, но в конкурсах, олимпиадах и в других мероприятиях (Грекова, 2008).

Соревновательная мотивация также может проявляться и в обычной предметно-практической деятельности. Это происходит вследствие формирования дополнительной цели, отличной от основной цели деятельности. Дополнительная цель заключается в выполнении привычной деятельности не ради достижения

результата, а «лучше других». Например, студент не просто стремится сдать экзамен, а стремится получить балл выше, чем у одноклассников. Эта дополнительная цель обусловлена потребностью в достижении (Батурин, 1999).

Иногда мотив достижения, который раньше был дополнительным, становится для человека основным. Из-за этого и само действие, выполняемое человеком, приобретает новый смысл – развитие навыка выполнения этого действия до такого уровня, на котором выполнение этого действия у этого конкретного человека станет лучше (качественно или количественно), чем у кого-либо (Батурин, 1999).

Причём данные многих из работ свидетельствуют о заметном увеличении результативности действий и других изменениях в выполнении деятельности под влиянием соревновательной мотивации (Батурин, 1999).

Теоретическое обоснование

В рыночных условиях любое производство товаров или услуг связано с соревнованием, а точнее, с конкуренцией. Например, если рассматривать образование как услугу с точки зрения рыночного взаимодействия, то для него также характерна конкурентоспособность. Показателями конкурентоспособности услуги образования определённого вуза можно назвать его престиж в обществе и его востребованность как абитуриентами, так и рынком труда (Yaroshenko, Chernetsov, 2021).

Огания (2017), рассматривая факторы, влияющие на конкурентоспособность выпускников вузов, выделяет мотивационную составляющую конкурентоспособности студентов:

- Готовность к совершенствованию, самореализации;
- Актуализация потребности в социальном и профессиональном статусе;
- Стремление к успеху.

Верниенко (2018) выделяет мотивацию достижения успеха как акмеологический фактор развития конкурентоспособной личности в условиях обучения в вузе (Yaroshenko, Chernetsov, 2021). Соревновательная мотивация в целом тесно связана с мотивацией достижения. Так, Курашинова (2017) в своём теоретическом исследовании указывает на взаимосвязь между мотивацией достижения и профессиональным развитием.

Важной составляющей соревновательной мотивации, как и любой другой, является её сила. На неё влияют:

- Ожидаемый результат соревнования;
- Закреплённость навыка, необходимого для достижения результата;
- Степень осознанности и ясности объекта мотивации;
- Притягательность объекта воздействия (Бабушкин, Смоленцева, 2007).

Среди специфических признаков соревновательных мотивов исследователи также выделяют их направленность. Здесь речь идёт о склонности показывать

лучшие результаты в определённых видах соревнования – командном или личном. Однако если люди с индивидуалистической направленностью хорошо выступают только в личных соревнованиях, то люди с коллективистской направленностью хорошо выступают и в командных, и в личных соревнованиях (Бабушкин, Смоленцева, 2007).

Когда речь идёт о соревновательной мотивации, в первую очередь возникает ассоциация со спортом. На самом же деле соревновательная мотивация идет рука об руку со спортивной мотивацией. Дело в том, что мотив соревнования входит в перечень мотивов спортивной деятельности, выделенный на основе анализа отечественной и зарубежной литературы.

При близком рассмотрении предмета спортивной деятельности можно обнаружить, что в его качественном своеобразии заключается специфичность спортивной мотивации. Как пишут Е. Б. Кузьмин с соавт., «спортивная деятельность характеризуется такими психологическими особенностями, как ориентация на предельный уровень достижений и высокие эмоциональные нагрузки, связанные с субъективной значимостью результатов деятельности, остротой соперничества, публичностью выступлений в соревнованиях» (Кузьмин и др., 2016, с. 99).

Сама по себе спортивная мотивация соотносится с соревновательной таким образом, что она составляет основу для постановки целей спортивной деятельности, которые направлены на то, что спортсмен стремится превзойти максимум, установленный другим спортсменом ранее, что является формой соревнования (Пилюян, 1984). Согласно Г. Д. Бабушкину и Е. Г. Бабушкину, соревновательная мотивация является частью структуры спортивной мотивации наряду с тренировочной (Бабушкин, Бабушкин, 2000).

Стремление к соревнованию в мотивационной сфере личности относится к непосредственным мотивам спортивной деятельности (Кузьмин и др., 2016). Ему сопутствует ряд потребностей, которые в целом входят в большинство мотивов спортивной деятельности:

- Потребность в преодолении соперника;
- Потребность в предельных физических усилиях;
- Потребность в испытании собственных физических и психических возможностей;
- Потребность переживании состояния сильной психической напряженности (Родионов, 1983).

Сама соревновательная мотивация включает в себя два основных мотива:

- Мотив достижения успеха;
- Мотив избегания неудачи (Бабушкин, Рогов, 1996; Батурин, 1988).

Таким образом, многие авторы выявили двусторонний характер влияния мотивации и соревновательной деятельности друг на друга. С одной стороны, мотивация влияет на результат деятельности, а с другой – улучшение результатов

соревновательной деятельности усиливает мотивацию (Кузьмин и др., 2016).

Результаты исследований отечественных и зарубежных авторов позволяют составить перечень мотивов спортивной деятельности, связанных с соревновательной мотивацией:

- Стремление к соревнованию;
- Потребности в определении и превышении пределов своих возможностей;
- Стремление к состоянию стресса и его преодолению;
- Испытание собственных физических и психических возможностей;
- Повышение социального статуса, социальное самоутверждение;
- Достижение успеха в спорте;
- Накопление специальных знаний и навыков, знаний о своих противниках;
- Желание побывать на соревнованиях в других городах страны и, особенно, за границей;
- Желание прославить свою страну, стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления за спортивный коллектив (Кузьмин и др., 2016).

Обсуждение результатов

Е. Б. Кузьмин с соавт. утверждают, что успешному формированию соревновательной мотивации будет способствовать создание особых педагогических условий, которые будут постоянно поддерживаться в тренировочной, учебно-тренировочной и соревновательной деятельности (Кузьмин и др., 2016).

Д. А. Бергин описывает, так называемые, ситуации «мастерства» и «эго-ситуации», затрагивая вопросы учебного процесса (Bergin, 1995). Ситуации «мастерства» создаются для приобретения и развития новых навыков, бросания «вызова» для человека. В таких ситуациях, достигнутый успех определяется сравнением прошлого «Я» человека и настоящего «Я», после нахождения в таких ситуациях. Ситуации «мастерства» обращаются к внутренней мотивации обучающихся, получению положительного опыта от работы над предметом исследования и сохранению дальнейшей мотивации для занятия в данной области. И с другой стороны, «эго-ситуации», или, ситуации «соревнования» направлены на получение, после выполнения задачи, результата лучшего, чем у других. Студенты, выполняющие задачу в ситуациях «мастерства», показывают более высокий результат и демонстрируют больший интерес к предмету изучения (Bergin, 1995). Результаты исследования Д. А. Бергина показывают, что студенты используют более адаптивные стратегии в условиях ситуаций «мастерства», чем в условиях соревнования (Bergin, 1995).

В то же время С. Ж. Ли с соавт. упоминают теорию самостоятельного принятия решений, согласно которой ситуация соревнования или игр, предполагающих противостояние нескольких сторон, или завязанных на большом

вознаграждении, может негативно влиять на восприятие и атрибуцию ее участников, при этом, ослабляя их внутреннюю мотивацию (Lee, Jeong, Lee, Kim, 2021). Это же происходит, если на внутреннюю мотивацию человека оказывает давление ситуация жесткой конкуренции, или, если достижение «победы» граничит с «одержимостью». Участники начинают больше концентрироваться на внешних факторах, например денежном вознаграждении, чем на внутренних, а именно на получении удовольствия от процесса деятельности или повышении мастерства владения навыками (Lee, Jeong, Lee, Kim, 2021).

О влиянии внешних факторов так же говорили П. Чэн с соавт. Их исследование подтвердило, что синергетическое, совместное, воздействие факторов «социальное сравнение» и «опасение оценки» являются стимулами для соревновательной мотивации (Chen et al., 2012). Авторами была выявлена закономерность, где повышение значимости фактора «социальное сравнение» увеличивает фактор «опасение оценки», что в свою очередь и повышает соревновательную мотивацию (Chen et al., 2012).

Мы полагаем, что соревновательная мотивация может быть применена в ситуациях «мастерства». Для этого требуется обозначить в качестве партнера, с которым осуществляется «соревнование», «прошлую версию» человека, который еще не приобрел или не улучшил свои навыки. Такое смещение фокуса должно способствовать эффективному встраиванию соревновательной мотивации с одновременным стимулированием внутренней мотивации и сохранением удовольствия от процесса «соревнования».

Высокая соревновательная мотивация, в купе с фиксацией на достижении успеха, по мнению С. Ж. Ли с соавт., ведут к жульничеству, или демонстрированию антиобщественного поведения в условия соревнования. Человек находящийся под давлением ситуации состязания, становится более подверженным фрустрации и более тревожен, чем люди с более низкой соревновательной мотивацией (Lee, Jeong, Lee, Kim, 2021). Кроме того, исследования авторов показали, что, при подкреплении соревновательной мотивации агрессией, применение нечестных методов в состязании становится еще более вероятным (Lee, Jeong, Lee, Kim, 2021).

В. Knutson утверждает, что появление гнева является сигналом недовольства, указывающим на желание человека доминировать над другими и идти с ними на конфликт (Knutson 1996). Соревновательный мотив, таким образом, способен повышать силу восприятия мотивационно релевантных стимулов. В свою очередь, это ведет к тому, что повышается восприятие эмоций счастья или гнева. Другими словами, активация соревновательного мотива улучшает степень восприятия как радостных, так и сердитых выражений лиц других людей (Sacco, Hugenberg, 2012).

Возможно, что соревновательная мотивация, подкрепленная агрессией, за счет обостренного восприятия эмоций радости и гнева, приводит к ложной

атрибуции действий партнеров в условиях соревнования. В результате, такая атрибуция уменьшает чувство социальной ответственности и делает более оправданным использование нечестных способов достижения успеха.

Заключение

Проведенный анализ литературы по теме позволил в тексте данной статьи изложить теоретические основы соревновательной мотивации.

Важным для упоминания представляется то, что соревновательная мотивация редко рассматривается вне контекста спортивного соревнования. На наш взгляд, это является значительным упущением, потому как без должного освещения остаются сферы высшего и среднего образования (которые могут быть не связаны со спортом), сфера производства товаров и услуг. Изучение феномена соревновательной мотивации за пределами спортивной деятельности может предоставить новый взгляд на вопросы мотивов достижения цели и формирования конкурентной личности.

Принимая во внимание обозначенные нами теоретические основы, возможно будущее рассмотрение соревновательной мотивации в психологических исследованиях, или с целью улучшения протекания процесса обучения в различных учебных заведениях.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

Бабушкин, Г. Д., Бабушкин, Е. Г. (2000). *Формирование спортивной мотивации*. Омск: СибГАФК.

Бабушкин, Г. Д., Рогов, И. А. (1996). *Психологический практикум: учебное пособие*. Омск: СибГАФК.

Бабушкин, Г. Д., Смоленцева, В. Н. (2007). *Психология физической культуры и спорта: учебник для высших физкультурных учебных заведений*. Омск: СибГУФК.

Батулин, Н. А. (1999). *Психология успеха и неудачи: Учебное пособие*. Челябинск: Изд. ЮУрГУ.

Батулин, Н. А. (1988). *Психология успеха и неудачи в спортивной деятельности: учебное пособие*. Челябинск: ЧГИФК.

Грекова, В. А. (2008). Психология учебной мотивации обучающихся. Учебная мотивация: основные теории и подходы. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 6(3), 45–51.

Донцов, В. В., Мостовая, Т. Н. (2018). Структура мотивации в спортивной деятельности. *НАУКА-2020*, 1-2(17), 67–74.

Кузьмин, Е. Б., Азиуллин, Р. Р., Денисенко, Ю. П., Ионов, А. А., Гераськин, А. А., Андрияшин, И. Ф. (2016). Спортивная мотивация как психическое

состояние личности спортсмена. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*, 1, 97–110.

Пилюян, Р. А. (1984). Мотивация спортивной деятельности. В: *Физкультура и спорт*, 43–46.

Родионов, А. В. (1983). Влияние психологических факторов на спортивный результат. В: *Физкультура и спорт*, 77–81.

Bergin, D. A. (1995). Effects of a Mastery Versus Competitive Motivation Situation on Learning. *The Journal of Experimental Education*, 63(4), 303–314. doi: <https://www.doi.org/10.1080/00220973.1995.9943466>

Chen, P., Gersh, T. D., Silverman, M. E., Lim, H. A., Garcia, S. M., Gonzalez, R. (2012). Competitors should be seen and heard: Synergistic effects of social comparison and evaluation apprehension on competitive motivation. In: *24th Annual Convention of the Association for Psychological Science*. Singapore: National University of Singapore.

Knutson, B. (1996). Facial expressions of emotion influence interpersonal trait inferences. *Journal of Nonverbal Behavior*, 20(3), 165–182. doi: <https://www.doi.org/10.1007/BF02281954>

Lee, S. J., Jeong, E. J., Lee, D. Y., Kim, G. M. (2021). Why Do Some Users Become Enticed to Cheating in Competitive Online Games? An Empirical Study of Cheating Focused on Competitive Motivation, Self-Esteem, and Aggression. *Frontiers in Psychology*, 12. doi: <https://www.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.768825>

Sacco, D. F., Hugenberg, K. (2012). Cooperative and competitive motives enhance perceptual sensitivity to angry and happy facial expressions. *Motivation and Emotion*, 36, 382–395. doi: <https://www.doi.org/10.1007/s11031-011-9256-3>

Yaroshenko, S., Chernetsov, P. (2021). The Correlation Of Competitiveness And Motivation Of University Students. In M. Ovchinnikov, I. Trushina, E. Zabelina, S. Kurnosova (Eds.): *Personality in Norm and in Pathology*, 112, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 337–346). Brussels: European Publisher. doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.06.04.39>

References

Babushkin, G. D., Babushkin, E. G. (2000). *Formation of sports motivation*. Omsk: Siberian State University of Physical Education. (in Russ.).

Babushkin, G. D., Rogov, I. A. (1996). *Psychological practical course: a textbook*. Omsk: Siberian State University of Physical Education. (in Russ.).

Babushkin, G. D., Smolenceva, V. N. (2007). *Psychology of physical culture and sports: a textbook for higher physical education facilities*. Omsk: Siberian State University of Physical Education. (in Russ.).

Baturin, N. A. (1999). *Psychology of Success and Failure: A Textbook*. Chelyabinsk: Southern Ural State University Publishing House. (in Russ.).

Baturin, N. A. (1988). *Psychology of success and failure in sports activities: a textbook*.

Chelyabinsk: Tchaikovsky State Institute of Physical Culture. (in Russ.).

Bergin, D. A. (1995). Effects of a Mastery Versus Competitive Motivation Situation on Learning. *The Journal of Experimental Education*, 63(4), 303–314. doi: <https://www.doi.org/10.1080/00220973.1995.9943466>

Chen, P., Gersh, T. D., Silverman, M. E., Lim, H. A., Garcia, S. M., Gonzalez, R. (2012). Competitors should be seen and heard: Synergistic effects of social comparison and evaluation apprehension on competitive motivation. In: *24th Annual Convention of the Association for Psychological Science*. Singapore: National University of Singapore.

Doncov, V. V., Mostovaya, T. N. (2018). Structure of motivation in sports activities. *SCIENCE–2020*, 1–2(17), 67–74. (in Russ.).

Grekova, V. A. (2008). Psychology of educational motivation of students. Learning Motivation: Basic Theories and Approaches. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 6(3), 45–51. (in Russ.).

Knutson, B. (1996). Facial expressions of emotion influence interpersonal trait inferences. *Journal of Nonverbal Behavior*, 20(3), 165–182. doi: <https://www.doi.org/10.1007/BF02281954>

Kuz'min, E. B., Aziullin, R. R., Denisenko, Ju. P., Ionov, A. A., Geras'kin, A. A., Andryushhishin, I. F. (2016). Sports motivation as mental state of athlete's personality. *Human health, theory and methodology of physical culture and sports*, 1, 97–110. (in Russ.).

Lee, S. J., Jeong, E. J., Lee, D. Y., Kim, G. M. (2021). Why Do Some Users Become Enticed to Cheating in Competitive Online Games? An Empirical Study of Cheating Focused on Competitive Motivation, Self-Esteem, and Aggression. *Frontiers in Psychology*, 12. doi: <https://www.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.768825>

Piloyan, R. A. (1984). Motivation for sports activities. In: *Physical education and sports*, 43–46. (in Russ.).

Rodionov, A. V. (1983). The influence of psychological factors on sports performance. In: *Physical education and sports*, 77–81. (in Russ.).

Sacco, D. F., Hugenberg, K. (2012). Cooperative and competitive motives enhance perceptual sensitivity to angry and happy facial expressions. *Motivation and Emotion*, 36, 382–395. doi: <https://www.doi.org/10.1007/s11031-011-9256-3>

Yaroshenko, S., Chernetsov, P. (2021). The Correlation Of Competitiveness And Motivation Of University Students. In M. Ovchinnikov, I. Trushina, E. Zabelina, S. Kurnosova (Eds.): *Personality in Norm and in Pathology*, 112, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 337–346). Brussels: European Publisher. doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.06.04.39>

УДК 159.99

Психологические особенности коммуникативного взаимодействия активных пользователей компьютерных игр

Юлия В. Селезнева^{1*}, Виктория Г. Пахомова²

¹Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

*E-mail: yulya.selezneva@gmail.com

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0630-5051>

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение психологических особенностей способов коммуникативного взаимодействия активных пользователей компьютерных игр. Новизна исследования заключается в малой изученности данной проблематики. Во **Введении** проанализирована теоретическая база исследования. Отражено содержание термина «виртуальная реальность» и аспекты, связанные с ним в контексте нашего исследования. Охарактеризована основная аудитория пользователей игрового виртуального пространства. В разделе **«Методы»** представлена цель данного исследования и описана выборка – 450 человек, каждая треть из которой состоит из респондентов разных возрастных групп – школьников 1–4 классов, студентов и взрослых (в возрасте 35–42 года). Также в этом разделе описан методический инструментарий исследования, в который вошли следующие методики: Методика определения степени увлеченности компьютерными играми С.А. Кулакова; Методика «Лесенка» Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн (в модификации С.Г. Якобсон и В.Г. Щур); Тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (в модификации Т.В. Румянцевой); Проективный рисунок «Несуществующее животное»; Опросник родительского отношения А.Я. Варги, В.В. Столина; Тест «Кинетический рисунок семьи» (КРС) Р. Бенса и С. Кауфмана; Проективная методика «Дом. Дерево. Человек» (ДДЧ, Дж. Бук); Методика «Автопортрет» (в модификации К. Маховева). В разделе **«Результаты»** эмпирически доказано, что особенности коммуникации со значимыми другими (эмоциональная отстраненность, поверхностный контакт и пр.) обуславливают чрезмерное погружение в мир компьютерной игровой реальности с последующим деструктивным изменением образа «Я» активных пользователей компьютерных игр. В **Обсуждении результатов** обосновывается тезис о том, что основной причиной погружения активных пользователей

в виртуальный мир компьютерных игр, с последующей деформацией образа «Я» и идентификации с героями компьютерной игры, могут являться нарушения форм и способов взаимодействия с окружающими. Приводятся краткие выводы по результатам исследования.

Ключевые слова

виртуальная игровая реальность, образ Я, идентичность, симбиоз, кооперация, сотрудничество, авторитарная гиперсоциализация

Для цитирования

Селезнева Ю.В., Пахомова В.Г. Психологические особенности коммуникативного взаимодействия активных пользователей компьютерных игр // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 6. С. 47–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-47-63>

Psychological features of communicative interaction of active users of computer games

Yulya V. Selezneva^{1*}, Victoria G. Pakhomova²

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Crimean Federal University named after V.I. Vernadskiy, Tavricheskaya Academy, Simferopol, Russian Federation

*E-mail: yulya.selezneva@gmail.com

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0630-5051>

Abstract

The article presents the results of an empirical study aimed at studying the psychological characteristics of the ways of communicative interaction between active users of computer games. The novelty of the research lies in the lack of knowledge of this issue. The **Introduction** analyzes the theoretical basis of the study. The content of the term "virtual reality" and related aspects in the context of our research are reflected. The main audience of users of the virtual game space is characterized. The **"Methods"** section presents the purpose of this study and describes the sample of 450 people, each third of which consists of respondents of different age groups - schoolchildren in grades 1-4, students and adults (aged 35-42). This section also describes the diagnostic program, which included the following methods: S. A. Kulakov's modified technique for defining the degree of keenness on playing computer games; Dembo-Rubinstein (DR) technique "Ladder" (modified by S.G. Yakobson and V.G. Shchur); Method of "Who Am I?" by M. Kuhn and T. McPartland (modified by T.V. Rumyantseva); Projective drawing

"Non-existent animal"; Questionnaire of parental relationship by A. Y. Varga and V. V. Stolin, Test "Kinetic family pattern" (KRS) by R. Bens and S. Kaufman, Projective technique "House. Tree. Man" (J. Book); Technique "Self-portrait" (modified by K. Makhover). In the **"Results"** section, the thesis about the features of communication with significant others (emotional detachment, superficial contact, etc.) cause excessive immersion in the world of computer game reality and following destructive change in the Self-image of active users of computer games is empirically proven. In the **"Discussion"** section, the thesis about the main reason for active users to immerse themselves in the virtual world of computer games, with subsequent deformation of the Self-image and identification with the heroes of a computer game, may be violations of the forms and methods of interaction with others is substantiated. Brief conclusions on the results of the study are given.

Keywords

virtual game reality, self-image, identity, symbiosis, cooperation, collaboration, authoritarian hypersocialization

For citation

Selezneva, Yu.V., Pakhomova, V.G. (2021). Psychological features of communicative interaction of active users of computer games. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(6), 47–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-47-63>

Введение

Новые трактовки понимания реальности порождают особые условия жизни человека, его самоопределения: с развитием информационных технологий внутри коммуникационных сетей в человеческую повседневность оказался прочно вписан термин «виртуальная реальность» (Войскунский, 2004; Мурсалимов, 2000; Николаев, 2004; Зинченко и др., 2010).

В настоящее время вопрос о влиянии воздействия Интернет-контента разной содержательной модальности на нейрокогнитивные, познавательные и даже личностные образования уже поставлен в научном осмыслении: проблема трансформации психосемантических образов как структурных элементов мышледеятельности, изменение коммуникации, форм и способов взаимодействия с окружающим миром, изменения наиболее общепринятых в культуре социальных и общественных практик. Эти вопросы оторефлексированы как нуждающиеся в новом научном осмыслении.

Психологические исследования в области изучения взаимодействия субъекта с полем виртуальной реальности ведутся с начала 90-х годов прошлого столетия, и с каждым годом их интенсивность растет (Бабенко, 1997; Воронов, 1999; Генисаретский, Носов, 1998; Гиренок, 1996; Жданов, Носов, 1997; Becker, Paetau, 1997).

Необходимо отметить, что виртуальная реальность непосредственно сопряжена с таким феноменом, как игра. Появление игровой виртуальной реальности сместило акцент исследований в сторону изучения вопросов ее влияния на личность, представлений о ее безопасности и возможности оптимально использовать ее потенциал. Так, Й. Хейзинге отмечал, что игра является свободной деятельностью по установленным правилам и сопровождается «чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели обыденная жизнь» (Хейзинга, 1992, с. 121). Основываясь на этом тезисе, можно представить игру как феномен, обладающий виртуальной природой: она отделена от повседневной действительности точкой соприкосновения в пространстве, в ней нет места нарушению телесности, что, несомненно, привлекает человека. Первоначальное нейтральное поле игры наполняется значениями и смыслами субъекта-игрока. Все без исключения игры интерактивны и предполагают присутствие «другого» и предвкушение его ответа на определенные действия игрока. Данные качества указывают на сходство игровой и виртуальной реальностей. Таким образом, являясь самостоятельным культурным феноменом, игра помимо своего смыслового разнообразия может выступать как способ жизненного и личностного самоопределения человека.

Исследователями отмечается, что чрезмерное увлечение компьютерными играми может привести пользователя в любом возрасте к изменениям в структуре Я-концепции, появлению дополнительных форм идентификации, когда персонаж игры становится образом, искажающим процесс идентификации и оказывающим негативное воздействие на становление личности (А. М. Демильханова, А. Е. Жичкина, М. С. Иванов, И. В. Колотилова). Большинство исследователей подчеркивается, что в постмодернистском обществе, аудитория пользователей игрового виртуального пространства становится все моложе, и в настоящее время каждый второй младший школьник является активным пользователем различного рода компьютерных игр. Все чаще исследователи говорят о тенденции развития нехимической компьютерной аддикции (Т. Ю. Больбот, В. А. Лоскутова, И. И. Рахимова, О. В. Решетникова, А. В. Худяков, А. В. Урсу, Т. Т. Щелина, Л. Н. Юрьева, К. Янг) (Худяков, Урсу, Старченкова, 2015). Технологии виртуальной реальности широко применяются и проявили свою эффективность в исследованиях когнитивной и социальной психологии. Однако анализ уже проведенных исследований, дает возможность выявить, что, при всем разнообразии исследовательских подходов, роль компьютерных игр и виртуальной реальности в развитии образа Я пользователей остается недостаточно изученной. Это определяет приоритетную цель данной работы – исследовать игровую виртуальную реальность как фактор, влияющий на формирование образа Я.

Методы

Цель настоящего исследования – выявление особенностей влияния игровой виртуальной реальности компьютерных игр на образ «Я» активных пользователей

разных возрастных групп, а также изучение факторов, детерминирующих чрезмерное погружение в мир компьютерной игровой реальности с последующей трансформацией образа «Я».

В исследовании приняли участие 450 человек: учащиеся 1–4 классов – 150 человек; студенты – 150 человек; взрослые (в возрасте 35–42 года) – 150 человек.

Диагностическая программа включала в себя: методику определения степени увлеченности компьютерными играми С. А. Кулакова; методику «Лесенка» Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн (в модификации С. Г. Якобсон и В. Г. Щур); тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (в модификации Т. В. Румянцевой); проективный рисунок «Несуществующее животное». Для описания специфики трансформаций коммуникативной сферы активных и неактивных пользователей компьютерных игр применялся опросник родительского отношения А. Я. Варги, В. В. Столина; тест «Кинетический рисунок семьи» (КРС) Р. Бенса и С. Кауфмана, а также проективная методика «Дом. Дерево. Человек» (ДДЧ, Дж. Бук) и методика «Автопортрет» в модификации К. Махова.

В рамках данной статьи интерес представляет рассмотрение особенностей коммуникативного взаимодействия младших школьников активных пользователей компьютерных игр.

Результаты

Первый этап нашего исследования предполагал изучение степени вовлечения респондентов различных возрастных групп в виртуальную реальность (на примере компьютерных игр). По данным нашего исследования в среднем за компьютером младшие школьники проводят от 20 минут до 2 часов ежедневно, а в выходные дни – на 1–2 часа больше. Полученные данные представлены на рисунке 1.

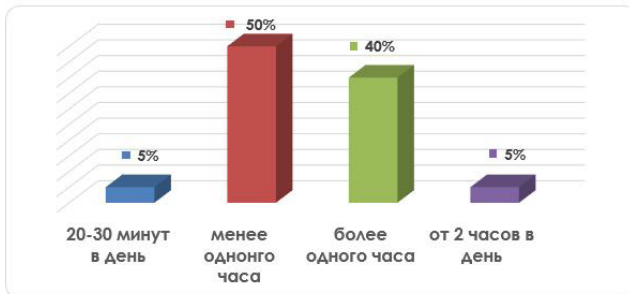

Рисунок 1. Средние показатели времени, проводимого ежедневно младшими школьниками за компьютерной игрой.

Сравнительный анализ ответов на анкеты, предложенные респондентам разных возрастных групп, позволил выявить, что между школьниками и студентами в понимании значения игры и специфике предпочтений игр больше сходства, чем в сравнении со взрослой выборкой.

На рисунке 2 представлено соотношение времени студентов, проводимого за компьютерными играми.

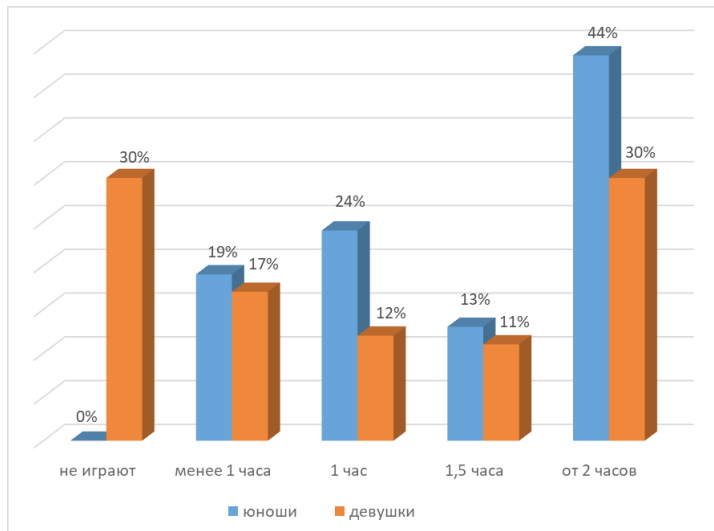

Рисунок 2. Соотношение времени, проводимого студентами за компьютерными играми.

Наиболее активными пользователями являются юноши (44 % проводят за игрой более 2 ч в день, 13 % – 1,5 часа, 24 % – 1 час в день, 19 % – менее одного час). Девушки тоже показывают высокий уровень активности (30 % проводят за игрой более 2 ч в день, 11 % – 1,5 часа, 12 % – 1 час в день, 17 % – менее одного час, 30 % – фиксируют себя как не играющие в игры).

У респондентов взрослой выборки на основании анкетирования и не стандартизированной беседы были выявлены другие тенденции. Значительная часть активных пользователей компьютерными играми среди взрослых – мужчины. Из опрошенных только 32 % идентифицировали себя как активных пользователей, которые ежедневно проводят свободное время за игрой. Наиболее популярный жанр – игры, не предполагающие развития персонажа и создающие виртуальный мир с высокой степенью свободы действий персонажа. Женщины взрослой выборки оказались в наименьшей степени подвержены данному виду деятельности.

В результате интерпретации данных мы пришли к выводу, что доминирующий вид досуга современного ребенка младшего школьного возраста и студента – это компьютер или смартфон, который по мере взросления ребенка выполняет разные функции, в том числе и партнера по общению. Причем, выступая в качестве «друга», компьютер отличается постоянной готовностью к общению и общей доступностью, в сравнении с реальным одноклассником; простотой и относительной безопасностью, отсутствием необходимости разрешать конфликтные ситуации и пр. Такое общение удобно и, безусловно, привлекает школьников и студентов. Однако чрезмерное погружение в компьютерную реальность (как показывают результаты нашего исследования) могут обуславливать ряд деструктивных изменений на уровне образа Я.

В рамках данной статьи особый интерес представляет описание основных факторов погружения ребенка в виртуальную компьютерную реальность. Наша гипотеза состояла в том, что активное погружение пользователя в виртуальный мир компьютерных игр, с последующими нарушениями идентификации, может возникнуть по причине нарушений в коммуникативных отношениях, выражающихся в поверхностном эмоциональном контакте между субъектом и его референтным окружением.

Для подтверждения данной гипотезы были изучены детско-родительские отношения (отношение к семейной ситуации (КРС)); стили детско-родительских отношений (опросник родительского отношения (А. Я. Варга и В. В. Столин)). Результаты сравнения изображений семьи в группах активных и неактивных пользователей компьютерных игр позволяют констатировать наличие максимальной выраженности одиночества и трудностей в общении: рисунки активных пользователей компьютерных игр характеризуются дистанцированием фигуры отца или матери от всех членов семьи (часто дети рисуют их спиной, в окне, в машине и т. д.), однофигурные композиции семьи ($p \leq 0,01$). Ощущение неполноценности на рисунках у младших школьников – активных пользователей компьютерных игр – встречается достоверно чаще, чем на рисунках младших школьников – неактивных пользователей КИ. При этом отмечается отсутствие фигур реальных членов семьи (18 % к 3 %, $p \leq 0,001$).

Анализ выявленных стилей родительского отношения позволил зафиксировать различия по таким стилям, как принятие-отвержение, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и инфантилизация. В частности, родители активных пользователей КИ чаще инфантилизируют детей ($p \leq 0,01$), менее ориентированы на сотрудничество в общении с детьми, по сравнению с родителями младших школьников неактивных пользователей ($p \leq 0,01$). У родителей активных пользователей КИ чаще, чем у родителей неактивных пользователей КИ, имеет место авторитарный и симбиотический тип родительского отношения ($p \leq 0,001$). Таким образом, родительское отношение в группе неактивных пользователей

КИ представляется более гармоничным, в связи с тем, что отличается сочетанием выраженного принятия и готовности к сотрудничеству с детьми.

Проведенный корреляционный анализ позволил зафиксировать следующие взаимосвязи: в семьях, где выражено стремление родителей к развитию активности детей, установлению сотрудничества с ними, имеет место слабая степень заинтересованности компьютерными играми ($R = -0,64$; $p \leq 0,05$). И, наоборот, в семьях, где родители мало уделяют внимания эмоциональному общению – дети проявляют больший интерес к компьютерным играм; родители младших школьников – активных пользователей КИ чаще прибегают к авторитарному стилю воспитания ($p \leq 0,05$). Родители неактивных пользователей, напротив, чаще демонстрируют доверие своим детям, предоставляя право действовать самостоятельно; низкая самооценка прямо коррелирует с авторитарной гиперсоциализацией ($R = 0,61$; $p \leq 0,05$), подтверждая предположение о том, что в семьях, где преобладает авторитарный тип воспитания и отсутствие открытости и демократичности в отношениях, у младших школьников формируется низкая или неадекватная самооценка; между стремлением к достижению симбиотических отношений с ребенком у матерей в обеих выборках существуют значимые различия ($p \leq 0,05$). Матери младших школьников – активных пользователей компьютерных игр – отличаются большей склонностью к симбиозу, по сравнению с матерями не активных пользователей. Так, К. Хорни писала, что «гиперопека или самопожертвование со стороны “идеальной” матери являются основными факторами, создающими ту атмосферу, которая более чем, что-либо иное закладывает основу для чувства огромной незащищенности в будущем» (Хорни, 2011, с. 28). Отношения с гиперопекающей матерью способны привести к регрессии или застреванию ребенка на одном из этапов развития, к разрушению и дестабилизации образа «Я», потере или размыванию границ его «Я».

Таким образом, особенности внутрисемейных отношений, глубина контактов со значимыми другими (в данном случае взаимоотношения внутри семейной триады) оказывают существенное влияние на увлеченность компьютерными играми и трансформацией, на этой основе, образа «Я» ребенка.

В целях выявления психологических факторов, детерминирующих погружение в компьютерную реальность и конституирование образа Я младших школьников – активных пользователей КИ – и подтверждения выдвинутых гипотез исследования был применен метод факторного анализа. После применения операции вращения факторов по методу варимакс, нами было выделено четыре фактора: фактор 1 – «Индивидуально- психологические особенности личности»; фактор 2 – «Нарушение идентификации»; фактор 3 – «Ощущение одиночества» и фактор 4 – «Детско-родительские отношения».

Анализ полученных результатов выявил, что особенности образа «Я» младших школьников – активных пользователей компьютерных игр – можно описать

через четыре фактора, каждый из которых можно представить через набор характеристик, таким образом установив содержание каждого фактора.

Таблица 1	
Фактор 1. «Индивидуально-психологические особенности личности»	
Шкалы методик	Фактор 1
«Я-реальное»	0,7225
Самоконтроль в компьютерной игре	-0,7845
«Я-фигура»	0,7353
Тревожность	0,8399

В данный фактор с положительными весами вошли следующие переменные: самооценка («Реальное Я»; показатели методики «Лесенка») (0,7225), особенности изображения («Я-фигура»), указывающие на эгоцентризм (0,7353), тревожность (проективная методика «Несуществующее животное») (0,8399) и с отрицательным весом – самоконтроль в компьютерной игре (-0,7845). Как видно, одной из предпосылок к возникновению пристрастия к компьютерным играм у данной категории детей являются их индивидуально-психологические особенности, в первую очередь, высокая тревожность, неадекватная самооценка, сниженный самоконтроль и эгоцентризм. Совокупность таких личностных характеристик действительно могут представлять собой фактор риска возникновения аддикций. Исходя из представления, что виртуальная реальность выполняет защитно-компенсаторную функцию, «Виртуальное Я» субъекта стремится интернализировать те качества, которых, ему не хватает во внешнем мире, но которые могут обеспечить психологический комфорт. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что для саморепрезентации данной группы детей менее важны качества, соответствующие им в реальности, тогда как «Я-идеальное» близко к «Я-виртуальному» и позволяет реализовывать в игре недостающие психологические качества.

Таблица 2	
Фактор 2. «Нарушение идентификации»	
Шкалы методик	Фактор 2
Социальное Я	-0,7526
Физическое Я	-0,716

Таблица 2	
Фактор 2. «Нарушение идентификации»	
Шкалы методик	Фактор 2
Деятельное Я	-0,7452
«Я-виртуальное»	0,8297
«Я-идеальное»	0,7200
Идентификация с героями компьютерных игр	0,7913
Увлеченность КИ	0,7865
Рисунки персонажей КИ	0,8094

В этот фактор со значимыми положительными весами вошли следующие переменные: «Я-виртуальное» (0,8297), «Я-идеальное» (0,7200), «идентификация с персонажами компьютерных игр» (0,7913), «степень увлечения компьютерными играми» (0,7865), «рисунок несуществующего животного в виде компьютерного персонажа», обнаружившая наибольшую факторную нагрузку (0,8094) ($p > 0,7$). И с отрицательными весами вошли переменные: Социальное Я (-0,7526), Физическое Я (-0,716), Деятельное Я (-0,7452). Наличие значимости социальной идентичности подтверждается присутствием в факторе переменной Социальное Я. Неумение ребенка налаживать желательные контакты с окружающими, отсутствие друзей могут побуждать его к овладению разными способами прохождения уровней, набора жизней в компьютерной игре, к презентации себя как умелого игрока.

На неопределенность в описании физического Я у младших школьников – активных пользователей компьютерных игр, слабую выраженность потребности рефлексировать собственные эмоциональные переживания указывают не только обнаруженные ранее различия между контрольной и экспериментальной выборками, но и попадание данной переменной в фактор с отрицательным знаком (-0,716). Как уже отмечалось, одним из наиболее важных источников формирования «Я-концепции» является образ тела, его объективные характеристики и субъективное восприятие. Эмоционально-оценочное отношение к образу собственного тела тесно связано с его притязаниями. Однако расхождение между реальным образом и образом идеальным способно привести к внутреннему конфликту. Важно отметить тот факт, что адекватное восприятие образа тела является единственным зримым маркером начала процесса самоконституирования Собственного Я ребенка.

Фактор 3. «Ощущение одиночества»

Фактор 3 объединил в себе переменные: «Я в одиночестве» (0,7083), «Отсутствие Я-фигуры» (0,7870), самоконтроль (–0,7139) и длительность использования компьютерных игр (0,7911) (максимальный вес). Попадание в фактор таких составляющих образа Я, как «Я-фигура» и «Я в одиночестве», неслучайно, ведь чрезмерная погруженность в игру связана с общественной изоляцией.

Уровень интереса к собственному внутреннему миру, позитивное самоотношение и рефлексия тесно связаны с родительским отношением: положение «Я-фигуры» школьников на рисунке семьи указывает на отсутствие эмоциональных связей между ее членами. Житейские неурядицы, личные неудачи, возникающие вследствие проблем в межличностных и социальных отношениях, способны спровоцировать погружение в виртуальную реальность, порождая самоотчуждение.

Фактор 4. «Детско-родительские отношения»

В данный фактор вошли следующие переменные: шкала «Авторитарная гиперсоциализация» (0,7079) и «Принятие» (–0,7987) (вторая переменная вошла с отрицательной нагрузкой); а также переменные, характеризующие особенности образа Я школьников: «Идентификация с родителями» (0,7016), «Я-идеальное» (0,8205) и показатель увлеченности компьютерными играми, такой как «время, проведенное за компьютерной игрой» (длительность применения КИ) (0,7834).

Попадание в фактор такого типа родительского отношения, как «Авторитарная гиперсоциализация» с положительным знаком (0,786), указывает на то, что данный тип отношений действительно имеет место в семьях, где у детей зафиксирован выраженный интерес к компьютерным играм. Тотальный контроль выражается в гипертрофированном желании родителя не упустить из вида любое действие ребенка, способствуя формированию тревожного типа личности. Потребность в любви представляет собой базу для развития и выживания, тогда как ее неудовлетворение провоцирует возникновение фрустрации. Такого рода родительская установка оказывает наиболее негативное влияние на становление личности. Любому человеку необходимо иметь свою «территорию», где он сможет управлять, создавать или разрушать, быть настолько активным, насколько необходимо ему, а не другим. Отсутствие такого пространства рождает необходимость ее поиска, ребенку проще остаться в виртуальном мире фантазии и всемогущества.

Таким образом, характер взаимоотношений, складывающихся в семье между ребенком и родителями, представляется одним из главных факторов формирования образа Я по причине того, что взаимодействие со «значимыми другими» гарантирует обратную связь, базу для развития самоотношения.

Обсуждение результатов

В настоящее время исследования влияния компьютерных игр на психическое здоровье и личность активных пользователей сфокусированы вокруг проблемы психологического благополучия; изучения взаимосвязи между интернет-зависимым поведением и предпочитаемыми жанрами компьютерных игр; анализом влияния компьютерных игр на личностные особенности (Kim, Namkoong, 2008). Так, авторы подтверждают результаты нашего исследования о том, что в результате чрезмерного погружения в компьютерные игры у активных пользователей могут наблюдаться изменения на уровне психологических особенностей личности, самооценки и самоконтроля. В исследовании E. J. Kim и K. Namkoong показано, что нарциссические черты личности положительно коррелируют с зависимостью от компьютерных игр, тогда как самоконтроль отрицательно коррелирует с онлайн-игровой зависимостью ($p < 0,001$) (Kim, Namkoong, 2008). Интересны исследования Weisel A.: он изучал последствия чрезмерного увлечения компьютерными играми и влияние на развитие символических и мыслительных функций, обосновывая тезис о том, что основная функция игры связана с активизацией поля личной психической реальности, и поэтому выбор детьми компьютерной игры не случаен. Однако травмы, воспроизведенные в игре, но не разрешенные, остаются в реальной жизни (Weisel, 2015).

И, безусловно, особое направление занимают исследования, описывающие влияние детско-родительских отношений на увлечение детей компьютерными играми с последующим влиянием на их психологическое благополучие. Так, A. Lieberoth и A. Fiskaali, изучая влияние семейных конфликтов, тревожности родителей на увлеченность детей компьютерными играми, отмечают, что существует взаимосвязь между родительским беспокойством и показателями игровой зависимости. По мнению авторов, анализ семейного опыта, конфликтов, особенностей коммуникации родителей с детьми «могут стать ключом к глубокому пониманию этого феномена и, возможно, к определению уместности рассмотрения вопросов, связанных с семейным конфликтом в качестве диагностических критериев аддиктивного расстройства у детей» (Lieberoth, Fiskaali, 2021, p. 15).

С точки зрения психоаналитических теорий (М. Кляйн, Ж. Лакан, З. Фрейд), принятие Собственного Я субъекта происходит благодаря механизму проективной идентификации (Кляйн, 2007; Лакан, 1999; Фрейд, 2016). В частности, З. Фрейд отмечал, что «идентификация представляет собой первоначальную форму эмоциональной связи» со значимыми другими и внешним миром в целом (Фрейд, 2016). При неадекватных отношениях внутри семьи ребенку сложно «обрести» себя, свою идентичность, а утрата объекта идентификации угрожает утратой границ собственного Я. В борьбе с пустотой, в Я запускается механизм поиска виртуального объекта идентификации для сохранения мнимой целостности

Я, иллюзорной идентичности. Таким образом, анализ детско-родительских отношений позволил проверить предположение о том, что чрезмерная увлеченность компьютерными играми у младших школьников возникает в семьях, где имеют место негармоничные детско-родительские взаимоотношения. В рамках психоанализа при рассмотрении телесности и образа тела особое внимание уделяется эмоциональным интеракциям ребенка с родителями. Для определенного этапа становления психики ребенка определенная зона тела представляется центральной, и с ней связано получение удовольствия (Ф. Дольто, З. Фрейд, Э. Эриксон) (Эриксон, 2006). Это центральный, основной этап в формировании образа тела, где устанавливается самовосприятие телесного единства, проявляется первый опыт самоотжествления. Ф. Дольто отмечено, что поверхность зеркала не только зрительно отражающая, но психическая, отражающая по отношению к любой чувственной форме: ребенок узнает самого себя как в зеркале в лице матери. Зрительный образ принимает форму и обретает смысл вследствие отражения находящимся рядом с ребенком взрослым, с помощью которого его телесный образ и схема тела могут быть обозначены. Становление физического Я может быть представлено как итог интериоризации ребенком неких характеристик родительского отношения: антипатия, отчужденность, пренебрежение трансформируются в дефект самоотношения.

В заключении остановимся кратко на общих выводах проведенного исследования: активными пользователями компьютерных игр являются мальчики и юноши, ежедневно играющие в компьютерные игры в среднем $1\pm 0,2$ часа. Сравнительный анализ специфики образа Я активных и неактивных пользователей компьютерных игр выявил следующие особенности: активные пользователи компьютерных игр отличаются от неактивных неопределенностью описания образа физического Я, неадекватной самооценкой, осознанием значимости своей деятельности через высокие оценки своих способностей к активности в виртуальной реальности компьютерной игры, проявляющиеся в выборе категорий описаний Я как действующего субъекта игровой реальности; неактивные пользователи компьютерных игр обладают более адекватной самооценкой, позитивным самопринятием. Анализ специфики детско-родительских отношений в группе младших школьников – активных пользователей компьютерных игр – выявил ряд таких нарушений, как поверхностный эмоциональный контакт, преобладание родительского авторитарного гиперконтроля, ощущение ребенком одиночества на фоне полноты семьи.

В результате применения факторного анализа удалось выявить психологические факторы, представляющие собой совокупность двух групп характеристик, связанных с особенностями взаимодействия активного пользователя компьютерных игр с окружающим миром и самим собой:

– фактор «Индивидуально-психологические особенности», содержащий такие

- черты, как неуверенность в себе, застенчивость, неадекватная самооценка, низкий самоконтроль, где наименее нагружена шкала «Я-реальное» (9 %);
- фактор «Ощущение одиночества» (22 %) указывает на проблему в становлении гармоничных, эмоциональных контактов с социальным окружением, получении достаточного внимания со стороны значимых других;
 - фактор «Нарушение идентификации» (28 %), где наиболее нагруженными являются шкалы «внешность» и «смелость», «Физическое Я», «Я-виртуальное», «Я-идеальное». Мир виртуальной игры позволяет обнаружить множество новых объектов для идентификации. Выбирая персонажа компьютерной игры, пользователь визуализирует образ (imago), который впоследствии инкорпорирует; расщепленное Я на внешнее и внутреннее (внешнее «Я» – на дисплее, внутреннее «Я» – как субъект) позволяет конституировать виртуальную личность;
 - фактор «Детско-родительские отношения» является наиболее «нагруженным» (40 %), что подтверждает нашу гипотезу о том, что недостаточное внимание со стороны родителей выражается у детей в ощущении тревоги, одиночества, способствуют формированию низкой или неадекватной самооценки и погружению в виртуальный мир компьютерных игр.

Заключение

Несмотря на то, что компьютерные игры стали основной формой досуга современного школьника, нельзя не учитывать деструктивные факторы их влияния на личность ребенка. Результаты проведенного эмпирического исследования могут послужить основой для дальнейших исследований динамики личностных преобразований в поле игровой реальности компьютерной игры, а также поиска способов профилактики различных форм аддиктивного поведения в младшем школьном возрасте.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Бабенко, В. С. (1997). Две книги о виртуальной реальности. Виртуальные реальности и современный мир. *Труды лаборатории виртуалистики*, 3, 56–69.
- Воронов, А. И. (1999). Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: Диссертация канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский Государственный Университет.
- Войсункинский, А. Е. (2004). Актуальные проблемы зависимости от Интернета. *Психологический журнал*, 1, 90–100.
- Генисаретский, О. И., Носов, Н. А. (1989). Самообразы и личностные образцы деятельности. *Методологические проблемы проектной деятельности в эргономике. Труды ВНИИТЭ. Серия «Эргономика»*, 37, 44–59.

Гиренюк, Ф. И. (1996). Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза. В: *Социологос постмодернизма* (С. 215–234).

Жданов, В. Ф., Носов, Н. А. (1997). Виртуальная реальность в исполнительском искусстве. В: *Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы* (С. 132–143).

Кляйн, М. (2007). *Психоаналитические труды: В 6 т.* Ижевск: ERGO.

Лакан, Ж. (1999). *Я в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55)*. М.: Логос.

Мурсалимов, Р. В. (2000). Виртуальная реальность: определение. В: *Философские аспекты виртуальной реальности. Материалы межвуз. Конференции* (С. 3–5). Казань: Академия Социальных Наук Российской Федерации (Татарстанское Отделение), Философское Общество РТ.

Николаев, И. А. (2004). *Виртуальность как естественнонаучный, технический и культурный феномен: Диссертация канд. филос. наук*. Саратов: Саратовский государственный университет.

Фрейд, З. (2016). *Хрестоматия: в 3 т. Том 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа*. М.: Когито-Центр.

Хейзинга, Й. (1992). *Homo ludens; В тени завтрашнего дня*. М.: Прогресс.

Хорни, К. (2019). *Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. Серия: Мастера психологии*. СПб.: Питер.

Худяков, А. В., Урсу, А. В., Старченкова, А. М. (2015). Компьютерная игровая зависимость, клиника, динамика и эпидемиология. *Медицинская психология в России*, 4(33), 10.

Эриксон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.

Зинченко, Ю. П., Меньшикова, Г. Я., Баяковский, Ю. М., Черноризов, А. М., Войскунский, А. Е. (2010). Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. *Национальный психологический журнал*, 1, 54–62.

Becker, B., Paetau, M. (1997). Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt/Main.

Kim, E. J., Namkoong, K. (2008). The relationship between online game addiction and aggression, self-control and narcissistic personality traits. *European Psychiatry*, 23(3), 212–218. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2007.10.010>

Lieberoth, A., Fiskaali, A. (2021). Can Worried Parents Predict Effects of Video Games on Their Children? A Case-Control Study of Cognitive Abilities, Addiction Indicators and Wellbeing. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–18. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.586699>

Weisel, A. (2015). Virtual reality and the psyche. Some psychoanalytic approaches to media addiction. *Journal of Analytical Psychology*, 60(2), 198–219. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12144>

References

- Babenko, B. C. (1997). Two books about virtual reality. *Virtual Realities and the Modern World. Proceedings of the Laboratory of Virtualistics*, 3, 56–69. (in Russ.).
- Becker, B., Paetau, M. (1997). *Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*. Frankfurt/Main.
- Erikson, E. (2006). *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress. (in Russ.).
- Freud, Z. (2016). *Anthology: in 3 volumes. Volume 1: Basic concepts, theories and methods of psychoanalysis*. Moscow: Cogito-Center. (in Russ.).
- Genisaretsky, O. I., Nosov, N. A. (1989). Self-images and personal patterns of activity. *Methodological problems of project activity in ergonomics. Proceedings of All-Russian Research Institute of Technical Aesthetics. Series "Ergonomics"*, 37, 44–59. (in Russ.).
- Girenyuk, F. I. (1996). Simulation and symbol: around J. Deleuze. In: *Socio-Logos of Postmodernism* (P. 215–234). (in Russ.).
- Horney, K. (2019). *Our inner conflicts. Constructive theory of neurosis. Series: Masters of Psychology*. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Hudiyakov, A. V., Ursu, A. V., Starchenkova, A. M. (2015). Computer game addiction, clinic, dynamics and its epidemiology. *Medical psychology in Russia*, 4(33), 10. (in Russ.).
- Huizinga, J. (1992). *Homo ludens; In the shadow of tomorrow*. Moscow: Progress. (in Russ.).
- Kim, E. J., Namkoong, K. (2008). The relationship between online game addiction and aggression, self-control and narcissistic personality traits. *European Psychiatry*, 23(3), 212–218. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2007.10.010>
- Kleine, M. (2007). *Psychoanalytic works: In 6 volumes*. Izhevsk: ERGO. (in Russ.).
- Lacan, J. (1999). *The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis* (1954/55). Moscow: Logos. (in Russ.).
- Lieberoth, A., Fiskaali, A. (2021). Can Worried Parents Predict Effects of Video Games on Their Children? A Case-Control Study of Cognitive Abilities, Addiction Indicators and Wellbeing. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–18. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.586699>
- Mursalimov, R. V. (2000). Virtual Reality: Definition. In: *Philosophical aspects of virtual reality. Proceedings of the Interuniversity Conference* (P. 3–5). Kazan: Academy of Social Sciences of the Russian Federation (Tatarstan Branch), Philosophical Society of the Republic of Tatarstan. (in Russ.).
- Nikolaev, I. A. (2004). *Virtuality as a Natural-Science, Technical and Cultural Phenomenon: Dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences*. Saratov: Saratov State University. (in Russ.).
- Voiskunsky, A. E. (2004). Current Problems of Internet Addiction. *Psychological Journal*, 1, 90–100. (in Russ.).

Voronov, A. I. (1999). *Philosophical analysis of the concept of "virtual reality": Dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. (in Russ.).

Weisel, A. (2015). Virtual reality and the psyche. Some psychoanalytic approaches to media addiction. *Journal of Analytical Psychology*, 60(2), 198–219. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12144>

Zinchenko, Y. P., Menshikova, G. Ya., Bayakovsky, Y. M., Chernorizov, A. M., Voiskunsky, A. E. (2010). Virtual Reality Technologies: Methodological Aspects, Achievements and Prospects. *National Psychological Journal*, 1, 54–62. (in Russ.).

Zhdanov, V. F., Nosov, N. A. (1997). Virtual Reality in the Performing Arts. In: *Virtual reality. Philosophical and psychological problems* (P. 132–143). (in Russ.).

УДК 159.96

Скрытые влечения женщин с алкогольной зависимостью

Александр В. Цапенко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская федерация

E-mail: sirius-gipno@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8405-7316>

Аннотация

Во **Введении** показана актуальность проблемы в аспекте роста её распространенности. Приводится обзор причин алкогольной зависимости у женщин. Так, среди основных факторов женского алкоголизма исследователи выделяют: наследственность, особенности метаболизма и биохимических реакций организма женщин, эмансипацию, одиночество, влияние партнера и др. Представители психоанализа связывают алкоголизм с проблемами в сексуальной сфере. Автор отмечает, что особое влияние на возникновение проблемы оказывают психотравмирующие ситуации, которые формируют бессознательные сценарии поведения, и впоследствии могут проявиться в виде зависимостей, в т.ч. алкогольной. В связи с этим, для успешного решения проблемы женского алкоголизма необходимо выявить его бессознательные причины, для чего автор предлагает посмотреть на данный вопрос с позиций судьбоанализа, определяющего родовые бессознательные факторы влечения. **Новизна** исследования заключается в определении истоков проблемы женского алкоголизма с позиций теории судьбоанализа Л. Сонди и установлении доминирующих влечений алкогольной зависимости женщин. В разделе "**Методы**" описаны основные методы эмпирического исследования: тест Сонди для установления ведущего базового влечения, определяющего поведение женщин и приводящего их к алкоголизму, метод статистической обработки данных □ Критерий согласия Пирсона. Описана выборка: 65 женщин 20-68 лет с 1-й и 2-й стадиями алкоголизма. В разделе "**Результаты**" приведены характеристики обнаруженных базовых тенденций поведения: маниакальные, депрессивные, кататонические, паранойяльные проявления. Представлены результаты математической статистики полученных данных. В "**Обсуждении результатов**" проведена параллель между проблемами выявления причин алкоголизма и расстройств пищевого поведения, которые могут быть обусловлены оральным характером. Обозначены общие тенденции между обнаруженными базовыми влечениями по теории Л. Сонди и стадиями психосексуального развития по теории З. Фрейда. **Заключение** акцентирует роль бессознательных тенденций в формировании и удержании проблемы алкогольной зависимости у женщин.

Ключевые слова

женский алкоголизм, женщины, зависимость, бессознательные причины, влечения, психотравма

Для цитирования

Цапенко А.В. Скрытые влечения женщин с алкогольной зависимостью // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 6. С. 64–75. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-64-75>

Unconscious behaviors of women with alcohol dependence

Alexander V. Tsapenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: sirius-gipno@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8405-7316>

Abstract

The **Introduction** reveals the relevance of the problem in terms of the growth of its prevalence. An overview of the causes of alcohol dependence in women is shown. Among the main factors of female alcoholism, researchers distinguish: heredity, peculiarities of metabolism and biochemical reactions of the body of women, emancipation, loneliness, partner influence, etc. Representatives of psychoanalysis associate alcoholism with problems in the sexual sphere. The author points out that psychotraumatic situations form unconscious scenarios of behavior and subsequently may be revealed in a form of addictions, including alcohol. In this regard, in order to successfully solve the problem of female alcoholism, it is necessary to identify its unconscious reasons. For this the author offers to consider this issue from the standpoint of fate analysis determining ancestral unconscious attraction factors. **The novelty** of the research consists in determining the origins of the problem of female alcoholism from the standpoints of L. Sondi's theory of fate analysis and establishing the dominant drives of alcohol addiction in women. The section **"Methods"** describes the main methods of empirical research: Sondi test to establish the leading basic attraction determining the behavior of women that leads to alcoholism, method of statistical data processing □ Pearson Consent Criterion. The following sample is described: 65 women aged 20–68 years with the first and second stages of alcoholism. The section **"Results"** presents the characteristics of the detected basic behavioral tendencies: manic, depressive, catatonic, paranoid manifestations. The results of the mathematical statistics of the obtained data are presented. In the **Discussion of the Results** a parallel was drawn between the problems of identifying the causes of alcoholism and eating disorders, the

origin of which may be of oral nature. The general tendencies between the revealed basic drives according to the theory of L. Sondi and the stages of psychosexual development according to the theory of Z. Freud are indicated. **The conclusion** emphasizes the role of unconscious tendencies in the formation and retention of the problem of alcohol dependence in women

Keywords

female alcoholism, women, addiction, unconscious reasons, drives, psychotrauma

For citation

Tsapenko, A. V. (2021). Unconscious behaviors of women with alcohol dependence. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 64–75. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-64-75>

Введение

Проблема женского алкоголизма вызывала беспокойство у мирового сообщества с давних времен. В настоящее время также сохраняется озабоченность данной проблемой в связи с текущим уровнем её распространенности. Так, согласно данным Росстата, количество алкоголя больше нормы употребляют 1,9 процента женщин в России. Всего доля женского пола, пьющих алкоголь выше нормы, составляет 24,7 процента от общего числа употребляющих слишком много спиртного. Примерно такое же соотношение женщин наблюдается среди пациентов, взятых под наблюдение и профилактический учет по причине алкозависимости.

Поэтому вопрос эффективности лечебных мероприятий данной категории населения стоит довольно остро, в связи с чем в последние годы всё больше исследований посвящены определению детерминант «женского» алкоголизма (Жук, 2009; Кравченко, 2002; Николаева, Куташов, Ульянова, 2016; Сомкина, Меринов, 2014; Lewis, Nixon, 2014; Ruiz, Oscar-Berman, 2013).

К числу главных биологических факторов относят наследственность, обусловленную особенностями биохимических реакций и метаболизма, передаваемых на генном уровне (Kelley, Cash, Grant, 2004). Так, алкоголизм в 3 раза чаще встречается среди женщин, имеющих матерей, страдающих алкогольной зависимостью, и в 4 раза – при наличии обоих родителей с алкоголизмом (Куташов, Сахаров, 2016). Также считается, что сниженное содержание воды в организме женщин (на 10 % меньше, чем у мужчин) повышает концентрацию этанола в крови, что приводит их к более быстрому опьянению и скорому развитию алкогольной зависимости (Ely, Hardy, Longford, Wadsworth, 1999).

Среди основных психосоциальных факторов традиционно выделяют эмансипацию, а также одиночество: как в среднем возрасте при осознании

невозможности иметь семью, так и в пожилом, когда женщина становится вдовой, а ее взрослые дети живут своей жизнью (Жук, 2009). Кроме того, немаловажную роль в алкоголизации женщины любого возраста имеет наличие пьющего партнера (Кравченко, 2002).

Мы, в свою очередь, разделяем мнение исследователей, отмечающих влияние психотравмирующих ситуаций, которые испытывает женщина в детском возрасте: отсутствие тепла и ласки, сиротство, насилие, особенности воспитания и т. д. (Жук, 2009; Николаева, Куташов, Ульянова, 2016).

При этом, мы полагаем, что любая зависимость, включая алкогольную, является не просто следствием этих обстоятельств, а имеет глубокую бессознательную природу и обусловлена жизненными сценариями, сформированными от полученных в детстве психотравм (Фрейд, 2012).

В подтверждение этой мысли у немецкого психоаналитика П. Куттера мы находим, что в случаях злоупотребления алкоголем у больного нередко выявляются тяжелые детские травмы, среди которых наблюдается отсутствие удовлетворения элементарных нарциссических и оральных желаний и/или конфликты, представляющие угрозу собственному существованию (Куттер, Мюллер, 2011).

Наряду с этим в психоаналитической теории и практике также рассматривается взаимосвязь алкоголизма с сексуальностью. В частности, причиной ревности алкоголика, доходящей до мании, является снижение либидо (Абрахам, 2009). Отвергая партнера или испытывая страх, что «не получится», пьяница уходит от сексуальных контактов и обращается к алкоголю как источнику легкого достижения удовольствия. Ревность здесь объясняется смещением своей вины на партнера, с обвинением в якобы неверности. При этом происходит замещение вытесненной вины и стыда за свою «немощность» и привязка к объекту-заместителю – алкоголю, как более доступному удовольствию.

Схожее явление по замещению мы наблюдали в случаях с расстройствами пищевого поведения, где женщины, имеющие проблемы с выстраиванием отношений, отсутствием доверительных отношений и привязанности с близкими, привязывались к заместителю – еде (Цапенко, 2020; Цапенко, 2021). Так они вытесняли чувство тревоги и дискомфорта из-за неудовлетворенной потребности в эмоциональной близости с другими людьми как объектами привязанности.

Исходя из проведенного теоретического анализа трудов представителей психоаналитического течения (Абрахам, 2009; Даулинг, 2000; Куттер, Мюллер, 2011; Сонди, 2007; Ференци, 2011; Abraham, 1927; Freud, 1969) и полученных нами результатов (Цапенко, 2020; Цапенко, 2021), можно заключить, что процессы вытеснения и замещения происходят на бессознательном уровне, и могут иметь в основе своей природы как психические травмы, так и неудовлетворенные желания и влечения.

Учитывая этот факт, мы считаем, что при лечении женщин от алкогольной зависимости необходимо применять иные, более глубокие методы, нежели

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

традиционно используемые в наркологической практике (метод стрессовой терапии А. Р. Довженко, НЛП-кодирование, лекарственные средства и т. п.). В качестве глубоких методов мы имеем ввиду методы, основанные в первую очередь на выявлении бессознательных истоков проблемы.

Наряду с психическими травмами, такими истоками, на наш взгляд, может быть генетическая predisпозиция (Сонди, 2007).

Таким образом, целью нашего исследования является определение *бессознательных причин* женского алкоголизма с позиций судьбоаналитического учения, изучающего наследственный характер влечений, повышающих риск зависимого поведения и возможность удержания негативного синдрома при его коррекции.

Методы

В эмпирическом исследовании был использован Тест Сонди – проективный личностный тест с методом портретных выборов (Николаев, 2007).

Соединив в своей теории личное и коллективное бессознательное, Л. Сонди делает акцент на изучении явлений семейного (родового) бессознательного, которое проявляется в особенностях выборов человека, основанных на влечениях и передаваемых по наследству (Сонди, 2007; Juettner, 2003). Так, он рассматривает жизненные выборы человека с позиции генетического детерминизма, где источником желаний (движущей силой) являются гены (импульсивные тенденции), унаследованные в паре от отца и от матери. При реализации каждой из потребности, в качестве побудителя на передний план выходит одна из тенденций, другая остается скрытой. Таким образом, заложенная генетическая информация определяет жизненные влечения человека.

Тест состоит из 48 фотографий, разбитых на 6 серий по 8 штук. В ходе теста человек должен выбрать наиболее симпатичные и наименее приятные портреты мужчин и женщин, каждый из которых отражает проявление одного из восьми базовых человеческих влечений (радикалов): сексуальная недифференцированность (h), садизм-мазохизм (s), эпилептоидные тенденции (e), истерические склонности (hy), кататонические проявления (k), паранойальность (p), депрессивное состояние (d), маниакальные проявления (m). Тест позволяет определить личностные паттерны человека и выявить те или иные проблемы или патологии данной личности, включая склонность к зависимостям.

С целью определения достоверности полученных данных был использован метод статистической обработки – Критерий согласия Пирсона χ^2 -квадрат.

Эмпирическую базу исследования составили 90 женщин в возрасте 20–68 лет, имеющих 1-ю и 2-ю стадии алкоголизма, проходивших лечение в психоневрологическом диспансере, а также обратившихся в Центр психологической безопасности Александра Цапенко. Средний стаж алкоголизма испытуемых составил от 3 до 16 лет.

Результаты

В связи с тем, что в задачи данной статьи не входит детальное рассмотрение полученных данных в аспекте схемы трансформации факторов влечений по каждой из участниц исследования, остановимся на усредненных сведениях, которые представляют для нас интерес.

Результаты теста Сонди показали у испытуемых наличие 4-х из 8 побудительных тенденций (влечения) (рис. 1).

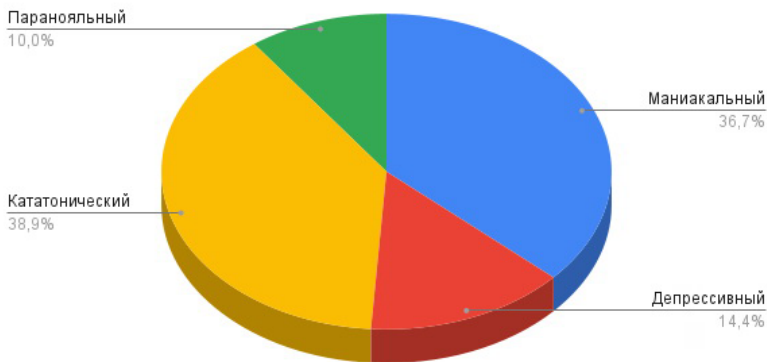

Рисунок 1. Выраженность базовых влечений среди женщин с алкогольной зависимостью (в %)

Каждое из представленных базовых влечений имеет как бы два полюса: "+" и "-". Влечение формирует определённую потребность и организует соответственный бессознательный сценарий поведения и иерархию ценностей. Если потребности не удовлетворяются корректным способом, например, влечение подавляется, то запускается противоположная потребность (Николаев, 2007), которую мы будем называть «антипод».

Итак, у большинства женщин – 38,9 % (35 чел.) был обнаружен кататонический антипод ($k-$), который выразился в стремлении к обесцениванию себя, слабости, негативизму и бессознательной потребности в асоциальном поведении. Алкоголизм явился формой деструкции к себе.

Проявления маниакального радикала ($m+$) отмечены у 36,7 % (33 чел.) женщин, которым присущи: оральная потребность в физической или психической привязанности, зависимость и послушание в отношениях, невротическая неспособность

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

расставаться, что также обуславливает алкоголизацию (Сонди, 2007). Практически у всех участниц отсутствуют нормальные привязанности с людьми, отвечающими им взаимностью (т. е. действие антипода не работает), в связи с чем у них сохраняется зависимость от алкоголя, как объекта привязанности.

У 14,4 % респонденток наблюдаются проявления депрессивного антипода (*d-*): обращение в прошлое, тоска по нему, склонность к удержанию, что напрямую влияет на возникновение зависимости (включая алкогольную). Действие данного антипода схоже с фиксацией анальной стадии психосексуального развития З. Фрейда (Фрейд, 2017). В случае с алкоголем на физическом уровне это проявляется в виде запоев, как ситуаций удержания в состоянии алкогольного опьянения.

10 % женщин оказались присущи характеристики паранойяльного антипода (*p-*): низкая самооценка с чувством неполноценности, табу на достижение больше, чем у родителей, нежелание жить.

Действие других базовых влечений, как "+", так и "-", результаты тестирования не показали.

Для проверки достоверности полученных результатов был применен метод статистической обработки – Критерий согласия Пирсона *хи-квадрат* (табл. 1).

Таблица 1						
Выраженность базовых влечений у женщин с алкоголизмом (<i>хи-квадрат</i>)						
<u>N</u>	<u>Базовое влечение</u>	<u>Эмпири- ческая частота</u>	<u>Теоре- тическая частота</u>	$(f_2 - f_1)$	$(f_2 - f_1)^2$	$(f_2 - f_1)^2 / f_1$
1	Маниакальный радикал	33	11.25	21.75	473.06	42.05
2	Депрессивный радикал	13	11.25	1.75	3.06	0.272
3	Кататонический радикал	35	11.25	23.75	564.06	50.139
4	Паранойяльный радикал	9	11.25	-2.25	5.06	0.45
5	Эпилептоидный радикал	0	11.25	-11.25	126.56	11.25

Таблица 1

Выраженность базовых влечений у женщин с алкоголизмом (хи-квадрат)

<u>N</u>	<u>Базовое влечение</u>	<u>Эмпири- ческая частота</u>	<u>Теоре- тическая частота</u>	$(f_2 - f_1)$	$(f_2 - f_1)^2$	$(f_2 - f_1)^2 / f_1$
6	Герма- фродитный радикал	0	11.25	-11.25	126.56	11.25
7	Садист- ский радикал	0	11.25	-11.25	126.56	11.25
8	Истероид- ный радикал	0	11.25	-11.25	126.56	11.25
Сум- мы		90	90	-	-	137.911

Вычисленное значение χ^2 -квадрата составило: $\chi^2=137,911$ на уровне значимости $p < 0,01$, при числе степеней свободы $Df=7$ и критическом значении $\chi^2 = 18,475$.

Это позволяет сделать вывод о том, что наблюдаемое у женщин с алкоголизмом преобладание четырех из восьми базовых радикалов в качестве бессознательных причин их проблем с алкоголем, достоверно.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило по-новому посмотреть на проблему женского алкоголизма, а именно определить возможные истоки зависимости с позиций родового бессознательного.

Результаты теста Сонди показали у участниц исследования наличие характеристик 4 из 8 базовых влечений: маниакальные проявления ($m+$), депрессивные проявления ($d-$), кататонические проявления ($k-$), паранойяльные проявления ($p-$). Данные характеристики являются антиподами (т. е со знаком "-"), за исключением маниакального радикала, который при "+" имеет отрицательное значение, что вполне ожидаемо при проявлении деструктивного поведения.

Кроме того, хочется отметить, что основной зоной получения удовольствия при употреблении алкоголя, является слизистая ротовой полости, можно говорить о том, что наряду с иными причинами, алкогольная зависимость является проблемой орального характера (по теории психосексуального развития).

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Такой же проблемой в психоанализе считается курение и расстройства пищевого поведения (Фрейд, 2017).

Причины последних, были ранее нами выявлены на эмпирическом уровне и во многом совпадают с изложенными выше относительно алкогольной зависимости. Так, например, одной из причин булимии и анорексии обнаружена детская психологическая травма, связанная с интроецированием унижений по половому признаку (Tsapenko, 2021); среди причин ожирения у женщин, являющегося следствием пищевой зависимости, наблюдается вытеснение чувства вины за свою женственность, и соответственно наказание себя в виде ухудшения внешности и др.

Рассмотренные базовые потребности человека с позиций судьбоанализа также обращают нас к оральному характеру проблемы алкоголизма. Данная тенденция прослеживается в проявлениях маниакального радикала (*m+*), отражающего оральную привязанность (Сонди, 2007).

Наряду с этим можно наблюдать схожие черты в действии депрессивного радикала (*d-*) с анальной стадией психосексуального развития, которые заключаются во влечении к удержанию удовольствия: при *d-* ситуациями удержания являются запои, в анальной фазе развития – удержание фекалий в кишечнике для получения сексуального удовольствия от возникающего давления (Фрейд, 2017).

В случаях с паранойяльным (*p-*) и кататоническим радикалами (*k-*) можно провести параллель с травмами, полученными на фаллической стадии развития. Присущие данным радикалам низкая самооценка, обесценивание себя и своих достижений, отсылает нас к неудовлетворенной базовой потребности в восхищении со стороны близких взрослых, а также неудачной идентификации с матерью в период дошкольного детства, которые также могут привести к серьезным невротическим проблемам, фригидности, неудовлетворенности собой и др. (Freud, 1910).

Заключение

В рамках данной статьи интересно было рассмотреть взаимосвязь бессознательных тенденций в формировании и удержании такой проблемы, как алкогольная зависимость у женщин.

Анализ результатов проведенного исследования с использованием метода глубинной психологии (теории судьбоанализа Л. Сонди), показал, что неудовлетворенные потребности, которые являются для конкретного индивида самыми важными и передаются по наследству, имеют определяющее значение в возникновении тех или иных проблем личности.

В данном случае, возникающий конфликт с родовыми влечениями и невозможность сублимации этой энергии, являются не просто

бессознательными причинами алкоголизма, но и удерживающим фактором проблемы. Следовательно, для успешного избавления женщин от алкогольной зависимости, важно проявить и скорректировать их базовые влечения, с учетом влияния обозначенных выше четырех радикалов.

Таким образом, эффективность лечения женщин будет зависеть от применяемых методов, где ведущая роль отводится психокоррекции с позиций психоанализа.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

Абрахам, К. (2009). Психологическая связь между сексуальностью и алкоголизмом. В С. Ф. Сироткин, И. Н. Чиркова (ред.): *Психоаналитические труды*: Том 1. Работы 1907–1912 гг. (С. 49–60). Ижевск: ERGO.

Даулинг, В. С. (2000). *Психология и лечение зависимого поведения*. М.: Независимая фирма "Класс".

Жук, А. Н. (2009). Производство женского алкоголизма в медико психиатрическом дискурсе. *Журнал исследований социальной политики*, 7(3), 327–348.

Кравченко, С. Л. (2002). Структурно-временные характеристики формирования алкоголизма у женщин. *Вопросы наркологии*, 1, 41–46.

Куташов, В. А., Сахаров, И. Е. (2016). *Наркология. Клиника, диагностика. Лечение: монография*. Воронеж: Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко.

Куттер, П. и Мюллер, Т. (2011). *Психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов*. М.: Когито-Центр.

Николаев, В. И. (2007). *Тест Сонди: Практическое руководство*. М.: Когито-Центр.

Николаева, З. И., Куташов В. А., Ульянова, О. В. (2016). К вопросу о женском алкоголизме. *Центральный научный вестник*, 1(13), 27–28.

Сомкина, О. Ю., Меринов, А. В. (2014). Современные представления о женском алкоголизме (обзор литературы). *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 4, 128–135.

Сонди, Л. (2007). *Судьбоанализ*. М.: Три квадрата.

Ференци, Ш. (2011). *Интроекция и перенос. Психоаналитическое исследование*. Ижевск: ERGO.

Фрейд, З. (2017). *Три очерка по теории сексуальности*. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа.

Фрейд, З. (2012). *Введение в психоанализ*. СПб.: Лениздат.

Цапенко, А. В. (2021). Анорексия как способ подавления либидо подростков. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 31(2), 186–198. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-2-186-198>

Цапенко, А. В. (2020). Принципы дефицита, авторитета и социального

принятия в мышлении женщин с пищевой зависимостью. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(6), 75.

Abraham, K. (1927). The First Preenital Stage of the Libido. In E. Jones (ed.): *Selected papers of Karl Abraham*, M. D. London: Institute of psychoanalysis and Hogarth Press.

Ely, M., Hardy, R., Longford, N. T., Wadsworth, M. E. (1999). Gender differences in the relationship between alcohol consumption and drink problems are largely accounted for by body water. *Alcohol and Alcoholism*, 34(6), 894–902. <https://www.doi.org/10.1093/alcalc/34.6.894>

Freud, S. (1910). *Über Psychoanalyse. Fünf Vorlesungen, gehalten zur 20jährigen Gründungsfeier der Clark University in Worcester, Mass.* Leipzig und Wien.

Freud, S. (1969). *Psychoanalysis*. New York: Pocket Books.

Juettner, Fr. (2003). *Schicksalsanalyse in Zusammenfassungen (Die 5 wichtigsten Buecher L. Szondis im Ueberblick)*. Zuerich: Szondi Verlag.

Kelley, M. L., Cash, T. F., Grant, A. R., Miles, D. L., Santos, M. T. (2004). Parental alcoholism: Relationships to adult attachment in college women and men. *Addictive Behaviors*, 29(8), 1633–1636. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.addbeh.2004.02.064>

Lewis, B., Nixon, S. J. (2014). Characterizing Gender Differences in Treatment Seekers. *Alcoholism. Clinical & Experimental Research*, 38(1), 275–284. doi: <https://www.doi.org/10.1111/acer.12228>

Ruiz, S. M., Oscar-Berman, M. (2013). Closing the Gender Gap: The Case for Gender-Specific Alcoholism Research. *Alcoholism & Drug Dependence*, 1, 6. <https://www.doi.org/10.4172/2329-6488.1000e106>

Tsopenko, A. (2021). Traumatic influence of the attitude towards one's own gender as a factor of the development of anorexia in girls. *E3S Web of Conferences*, 273, 10046. doi: <https://www.doi.org/10.1051/e3sconf/202127310046>

References

Abraham, K. (2009). The psychological relationship between sexuality and alcoholism. In S. F. Sirotkin, I. N. Chirkova (eds): *Psychoanalytic works: Vol. 1. Works 1907-1912* (pp. 49–60). Izhevsk: ERGO. (in Russ.).

Abraham, K. (1927). The First Preenital Stage of the Libido. In E. Jones (ed.): *Selected papers of Karl Abraham*, M. D. London: Institute of psychoanalysis and Hogarth Press.

Cutter, P., Mueller, T. (2011). *Psychoanalysis: An introduction to the psychology of unconscious processes*. Moscow: Cogito Center. (in Russ.).

Dowling, S. (2000). *Psychology and Treatment of Addictive Behavior*. Moscow: Independent firm "Class". (in Russ.).

Ely, M., Hardy, R., Longford, N. T., Wadsworth, M. E. (1999). Gender differences in the relationship between alcohol consumption and drink problems are largely accounted for by body water. *Alcohol and Alcoholism*, 34(6), 894–902. doi: <https://www.doi.org/10.1093/alcalc/34.6.894>.

Ferenczi, S. (2011). *Introjection and transfer. Psychoanalytic research*. Izhevsk: ERGO. (in Russ.).

Freud, S. (2017). *Three essays on the theory of sexuality*. St. Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis. (in Russ.).

Freud, S. (2012). *Introduction to psychoanalysis*. St. Petersburg: Lenizdat. (in Russ.).

Freud, S. (1969). *Psychoanalysis*. New York: Pocket Books.

Freud, S. (1910). *About psychoanalysis. Five lectures delivered at Clark University's 20th anniversary celebrations in Worcester, Mass.* Leipzig and Vienna.

Juettner, Fr. (2003). *Fate Analysis in Summaries (The 5 most important books by L. Szondi at a glance)*. Zuerich: Szondi Verlag.

Kelley, M. L., Cash, T. F., Grant, A. R., Miles, D. L., Santos, M. T. (2004). Parental alcoholism: Relationships to adult attachment in college women and men. *Addictive Behaviors*, 29(8), 1633–1636. <https://www.doi.org/10.1016/j.addbeh.2004.02.064>

Kravchenko, S. L. (2002). Structural and temporal characteristics of the formation of alcoholism in women. *Narcology Issues*, 1, 41–46. (in Russ.).

Kutashov, V. A., Sakharov, I. E. (2016). *Narcology. Clinic, Diagnostics. Treatment: A Monograph*. Voronezh: Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko. (in Russ.).

Lewis, B., Nixon, S. J. (2014). Characterizing Gender Differences in Treatment Seekers. *Alcoholism. Clinical & Experimental Research*, 38(1), 275–284. <https://www.doi.org/10.1111/acer.12228>

Nikolaev, V. I. (2007). *Szondi's test. A practical guide*. Moscow: Cogito Center. (in Russ.).

Nikolaeva, Z. I., Kutashov, V. A., Ulyanova, O. V. (2016). On the issue of female alcoholism. *Central Scientific Bulletin*, 1(13), 27–28. (in Russ.).

Ruiz, S. M., Oscar-Berman, M. (2013). Closing the Gender Gap: The Case for Gender-Specific Alcoholism Research. *Alcoholism & Drug Dependence*, 1, 6. <https://www.doi.org/10.4172/2329-6488.1000e106>

Somkina, O. Yu., Merinov, A. V. (2014). Modern ideas about female alcoholism (literature review). *Science of the Young – Eruditio Juvenium*, 4, 128–135. (in Russ.).

Szondi, L. (2007). *Fate analysis*. Moscow: Three Squares. (in Russ.).

Tsapenko, A. V. (2021). Anorexia as a way to suppress libido in adolescents. Bulletin of the Udmurt University. *Vestnik of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 31(2), 186–198. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-2-186-198>. (in Russ.).

Tsapenko, A. (2021). Traumatic influence of the attitude towards one's own gender as a factor of the development of anorexia in girls. *E3S Web of Conferences*, 273, 10046. doi: <https://www.doi.org/10.1051/e3sconf/202127310046>

Tsapenko, A. V. (2020). Principles of Scarcity, Authority and Social Acceptance in the Thinking of Women with Food Addiction. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(6), 75. (in Russ.).

Zhuk, A. N. (2009). The production of female alcoholism in medical psychiatric discourse. *Journal of Social Policy Research*, 7(3), 327–348. (in Russ.).

Научное издание

Сетевое издание «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология» - рецензируемое научное издание, публикуется в сети Интернет, не имеет печатной версии и полностью находится в свободном доступе.

Цена распространения: бесплатно

12+

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
номер свидетельства

ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13.11.2017 г.

Учредитель и издатель: Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Адрес и электронная почта редакции: г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, корпус 8, ауд. 8-307, editor@inov-ppd.ru

**ИННОВАЦИОННАЯ НАУКА:
ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА. ДЕФЕКТОЛОГИЯ
2021
ТОМ 4 № 6**

**INNOVATIVE SCIENCE:
PSYCHOLOGY. PEDAGOGY. DEFECTOLOGY
2021
Vol. 4 Issue 6**

Дата выхода в свет: 30 декабря 2021